

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1927
№:
16

издательство "Молодая Гвардия"

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Памяти Сакко и Ванцетти

Рихард Шиллер—Тринадцатый МЮД.

С. Ш.—Кровью и пытками.

Я. Юдицкий—Знаменосцы мирового комсомола.

М. Розенфельд и Л. Иохвед—На маневрах железа и молодости.

„Поход за боевым опытом“—фото-разворот.

Б. Галин—Конец Николая Курочкина.

Из рассказов Ирочки с Октябрьской—рассказ четвертый:
„Повелась с комсомольцами“.

Бела Иллеш—Топоры и пушки (рассказ).

Хлеб идет—фото-страница.

А. Р. Палей—Гольфштром (повесть, продолжение).

Стихи: Н. Владимировского, Б. Скорбина, П. Чихачева,
М. Шехтера, М. Тарловского.

Иллюстрации: К. Елисеева, Ю. Куприянова,
А. Янга.

Фото: Р. Кармена, Русфото и др.

**СЛЕДИТЕ ЗА
БЛИЖАЙШИМИ
НОМЕРАМИ
„СМЕНЫ“!**

Путешествие с прожекторами(?)
Тысяча девятьсот сороковой
год(?)
25.000 миль на парусах(?)
Голуби на парашютах(?)
Мы у американцев(?)
и мн. др.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Чернышевский
перузок, д. 3/4. Тел. 3-26-88

СМЕНА

ЕВЪХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
И ЭДАНІЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕОБЩЕГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗЪВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год — 24 нум.	3 руб. 60 коп.
— 6 мес. — 12 „	2 „ 30 „
— 3 „ — 6 „	1 „ „
— 1 „ — 2 „	35 „
Отдельный №	— 20 „

Подписка принимается в Главной Конторе
Периодических Изданий Изна „Молодая
Гвардия“, Москва, Тверская, 37

№ 15

А ВГУСТ

1927 г.

ПОМНИ

ПОМНИ

внушил по своей фальшивости процесс — семь лет тюрьмы в мучительном ожидании смерти и — вопреки воле миллионное трудящихся — смерть на электрическом стуле

ПОМНИ

итальянских рабочих - революционеров — НИКОЛЛО САККО и БАРТОЛОМЕО ВАНЦЕТТИ, казненных в ночь с 22-го на 23-е августа

НА ФОТОГРАФИИ ВВЕРХУ: Сакко и Ванцетти; СПЕВА: митинг протеста перед казнью Сакко и Ванцетти в Амстердаме, СПРАВА: митинг протеста на радиально-железнодорожной ф-ке имени Фрунзе

НА ФОТОГРАФИИ ВНИЗУ — СПЕВА: Фуллер, губернатор штата Массачусетс, играет в футбол после отказа в пересмотре дела Сакко и Ванцетти; СПРАВА: стул казни

Американская буржуазия сошла на электрическом стуле Сакко и Ванцетти, виновных лишь в том что они были рабочими-революционерами.

Весь мир... все трудящиеся протестовали против кровавого убийства.

Капиталистическая Америка, эта преусловитая страна «Великой демократии» показала свое истинное лицо, искаженное классово-ненавистью.

Казнь Сакко и Ванцетти вызвала новый взрыв возмущения в рядах международного пролетариата.

От протестов рабочий класс перешел к мобилизации своих сил на борьбу с той системой, которая казнит невинных Сакко и Ванцетти, казнит и казнит многие сотни других революционеров,—об этом свидетельствуют кровь на улицах Гамбурга, баррикады в Париже и ряде других мест. Рабочие массы осознают, что для ответа на гнусное убийство Сакко и Ванцетти существует только один путь: борьба за низвержение капитализма, борьба за власть пролетариата

П Е Р Е К Л И Ч К А

Стих. П. ЧИХАЧЕВА

С полей и заводов
По верхаку плит
Кудрявая юность
На праздник спешит.

Мой брат, англичанин,
Наверно, ты слышишь—
Сентябрьское солнце
Играет на крышах.

Шумит наша юность,
Как спелая розь.
Сегодня на площадь
Идет молодень.

Мой брат, англичанин,
Я знаю, ты слышишь—
Осеннее солнце
Гулляет на крышах.

Опять, как и раньше,
Мы песни поем
И голос друг другу
Опять подаем.

От площади Красной
От каменных плит,
Я знаю: мой голос
К тебе долетит.

Мой брат, англичанин,
Наверно, ты слышишь—
Кудрявое солнце
Играет на крышах.

Мне снятся ночами
Знакомые лица—
Расстрелянный Ангель
Сегодня приснится.

Коль петля отыщет
И пуля приметит,
За нашего брата
Варшава ответит.

...На площади Красной
Толпа вырастает,
И песни гремят
От Москвы до Китая.

И песни услышат
О московских равнинах
Ихмуренный Лондон
И сонный Берлин.

От песни и смеха,
От толпы и вост,
Министр круглоблый
Уронит монокль.

Мой брат, англичанин,
Ты пулю готовь—
Нам смертью ответит
За братскую кровь.

Нас, юных и смелых,
И конь не догонит,
Петля не отыщет
И пуля не слонит.

Прощай, мой товарищ,
Любимейший брат,
На трубы оркестра
Садится ваку.

Все песни пролетят,
На улицах тышь—
И солнце ушло
На головы крыш.

Коль вывезут и боев,
То мы не спалим,
И голос друг другу
Опять подадим.

От площади Красной,
От каменных плит,
Я знаю: мой голос
К тебе долетит.

ЛИРИЧЕСКАЯ БОЕВАЯ

Стих. БОГИСА СКОРБИНА

Мы знали—под пули,
под песни ложь,
Такою, как песни,
была наша жизнь.

Ее перепели
бригады певцов.
Ее расстреляли
в угарах боев.

Мы были верны ей,
мы были верны,
взрослые дети
оной страны.

Могли мы другими,
вчерашне, быть?
Время ли было
нежность хранить?

Мы авали—под пули,
под песни ложь,
Другие напевы
сложил нам жизнь

Но мы не всегда,
не всегда ей верны.
Еывает—не петь начинаем,
а жить.

О том, что усталость
сменяет покой
О том, что любовь
подарил дорогой.

Но слабость качает
и валит с пути.
Любовь позабыта,
другой не найти.

За горечь утраты,
за радость побед
мы буд'м хранить
постоянство.

— Но нет.—

печаль прожитая
всегда глубока,
как реки большие,
как море...

Пока—

не будем объята
весенней грозой—
солдаты, солдаты,
мы двинемся в бой

Чтоб девушек нежить
работу любить,
надо суровым
и радостным быть

Чтоб грусть не хрипела,
не пачкала грязь,
за жизнь—под пули,
под песни ложась.

Стране и зачатней
любимой своей—
сердца и напевы
Скорее!

Скорей!

Тринадцатый

Осенью 1915 и 1927 года

Международный Юношеский День всегда был днем борьбы.

Первый Международный Юношеский День осенью 1915 года был мощной революционной демонстрацией против войны — что имело еще большее значение — первым международным выступлением в период войны, вызвавшим широкий отклик в массах рабочего класса. Молодежь и ее международная организация могла смело приписать себе честь первого открытого международного пролетарского выступления против войны и за революцию в период войны, в период, когда II Интернационал постыдно развалился, а III Интернационал еще не существовал.

С тех пор прошло 12 лет, и в этом году мы в 13-й раз проводим Международный Юношеский День.

Он объединяет сейчас не десятки тысяч, как в годы войны, а ежегодно приводит в движение миллионы молодых рабочих и крестьян. Он не ограничивается более, как это было в 1915—16 г. г., несколькими странами Европы, а проводится сейчас и в Китае, и в Южной Африке, и в Южной Америке, и в Монголии.

Наступающему XIII Международному Юношескому Дню борьба против империалистической войны и тайных махинаций капиталистической политики придает особое значение и характер, как это было и с первым МЮД'ом. Эта борьба никогда еще не была столь своевременной и необходимой, как сейчас. Политическая атмосфера повсюду заряжена тревожным предчувствием тяжелых конфликтов. XIII Международный Юношеский День будет во всех странах мощной демонстрацией против опасностей войны и против хищнических намерений империалистов по отношению к СССР.

20 лет

Однако, еще и другое обстоятельство придает Международному Юношескому Дню в этом году особый смысл. На этот раз он совпадает с 20-летней годовщиной первой международной юношеской конференции в Штутгарте, на которой был создан Социалистический Интернационал Молодежи. В годы войны он не предал социализма и революции, как II Интернационал и Интернационал Профсоюзов. Он работал в тесном сотрудничестве с Лениным, Либкнехтом, Люксембург и другими революционными вождями, он многим содействовал образованию III Интернационала и коммунистических партий в отдельных странах. Еще в период мировой войны Интернационал Молодежи присоединился к большевизму, а в 1919 го-

ду в Берлине на своей IV международной конференции он переименовался в Коммунистический Интернационал Молодежи и присоединился к Коминтерну.

Действительным создателем и душой Интернационала Молодежи был Карл Либкнехт. Он посвятил большую часть своей деятельности в тот период созданию международной организации пролетарских союзов молодежи, своим призывом к антиимпериалистической борьбе он наложил печать на характер вновь созданного Интернационала и Штутгартской конференции.

Однако, Штутгартская конференция обсудила и другие важные вопросы юношеского движения. Она выработала программу борьбы против экономической эксплуатации рабочей молодежи и выдвинула ряд экономических боевых требований, которые сейчас составляют основу экономической программы Коммунистического Интернационала Молодежи. Конференция обсудила содержание и принципы социалистической воспитательной работы молодежи и установила, как основой воспитательной работы должно быть активное участие рабочей молодежи в классовой борьбе.

От тысяч к миллионам

Коммунистический Интернационал Молодежи широко и мощно развернул все то, основу чему заложила Штутгартская конференция. Если на Штутгартской конференции в 1907 году были представлены только немногие десятки тысяч организованных молодых рабочих, то КИМ насчитывает сейчас приблизительно 2½ миллиона членов. На первой международной юношеской конференции присутствовали представители только 13 стран, а сейчас нет почти ни одной страны на земле, где КИМ не имел бы своей секции.

В полках, казармах, на кораблях

Мы широко развернули нашу деятельность в области экономической борьбы и работы в профсоюзах. Коммунистические союзы молодежи играют сейчас большую роль в профсоюзной жизни отдельных стран. В некоторых странах, как например, в Советском Союзе и во Франции, они действительно взяли на

себя руководство деятельностью профсоюзов в юношеских вопросах.

Но особенное расширение и углубление претерпела антиимпериалистическая работа КСМ. Эта борьба, которая до войны лишь зарождалась, а во время войны была делом только нескольких маленьких групп революционеров, превратилась сейчас в мощную, энергично проводимую широкую работу, охватывающую и разлагающую большие империалистические армии. Мы хотим здесь только указать на блестящую деятельность германского и французского коммунистических союзов молодежи среди французских войск в Руре и в оккупированной части Германии в 1923 году, на работу КСМ Франции во французской армии во время войны в Марокко, на пропаганду КИМ'а среди империалистических войск в Китае, на агитацию скандинавских КСМ в связи с посещением Балтийского моря английским флотом, на работу КСМ Англии во время забастовки горняков и при отсылке английских войск в Китай, а также на общую блестящую работу КСМ Франции в этой области. В полках, казармах и на военных кораблях создаются коммунистические ячейки, и целые корпуса империалистических армий охватываются духом большевизма.

Правда, сейчас Международный Юношеский День и 20-летие своего создания, КИМ не хочет ограничиваться только демонстрациями. КИМ намеревается использовать этот день усиления своей практической борьбы против милитаризма и империалистической войны. Это будет выражением действительной международной солидарности и действительной поддержки Советского Союза в духе Ленина и Либкнехта.

Рихард Шиллер

Участники первой международной юношеской конференции (в Штутгарте): стоит — слева направо: Куррала (от России), Самуэльсон (от Скандинавии); сидят — Бама (Швейцария), Шаукин (Россия), В. Мюнценберг (Германия) и Р. Шиллер (Австрия)

КРОВЬ И ПЫТКАМИ

с. ш.

Сотни и тысячи молодых рабочих, сотни и тысячи комсомольцев испытали на себе свирепую ярость буржуазии. С первых дней зарождения КИМ¹ а его путь заил кровью, отмечен смертью лучших юнгов бойцов.

Ноябрь 1918 года. Измученный войной германский пролетариат начинает победоносное восстание против своей буржуазии. И одним из первых от пули офицера падает Габерзат, молодой революционер, член союза свободной социалистической молодежи, предшественника комсомола Германии. С небольшой кучкой своих товарищей он идет на крупнейшие предприятия Берлина, и тысячи рабочих по его призыву прекращают работу, выходят на улицу. Во главе многотысячной колонны рабочих Габерзат направляется к казармам солдат, чтобы и их перевести на сторону восставших... Выстрел из-за угла — Габерзат мертвый падает перед окнами казармы...

А за ним другие десятки безымянных героев, отдавших свою жизнь за дело революции.

Шли годы. И каждый шаг молодых борцов сопровождался новыми жертвами. Польша, Болгария, Румыния, Китай, Италия... Во всех концах земного шара, во всех уголках капиталистического мира не было пощады восстающим против капитала.

Кто считает эти жертвы? Кто назовет их именами? Их сотни, их тысячи.

Энгель и Ботвин в Польше, маленький большевик Чен в Китае, Иосиф Грейфенберг, один из основателей КИМ² в Литве — этих знают все, их имена навеки запечатлены в истории пролетарского юношеского движения.

А остальные, незаметные, но не менее дорогие нам герои! Как просто, в нескольких строчках почти ежедневно сообщают о них наши газеты:

«В Плевне арестован 17-летний юноша Димитрий Янков, обвиняемый в принадлежности к комсомолу Болгарии. При аресте Янков был жестоко избит... Через 3 дня Янков умер».

«Арестованные в Плевне 8 гимназистов подверглись самым бесчеловечным пыткам, при чем один из них, Иван Тодоров в результате пыток умер».

«Арестованный в Венгрии молодой рабочий-комсомолец Эдуард Рубин после жестоких пыток был возвращен из прокуратуры в полицию. О его дальнейшей судьбе нет никаких сведений... Рубин, очевидно, стал жертвой очередного убийства, совершенного в стенах будапештской полиции».

«...Фашисты пытались спровоцировать драку. Комсомольцы были без оружия, а фашисты поголовно вооружены револьверами. Улучив удобный момент, они открыли стрельбу, во время которой был тяжело ранен комсомолец Бутзар... Затем ранили еще одного комсомольца Гранже. Другой товарищ, Манье, нагнулся, чтобы помочь своему упавшему товарищу. Фашисты открыли по нем огонь и смертельно ранили его. Тов. Манье тут же скончался».

Вы думаете, что эта драка произошла тоже в Болгарии или в Италии, странах фашизма? Нет, комсомол понес эти жертвы в демократической Франции в стране «свободы, равенства и братства».

А затем идут и вовсе неизвестные, безымянные идуи.

«25 апреля в Кантоне было казнено 12 человек, в том числе несколько мальчиков и девочек и девочек, единственное преступление которых заключалось в распространении листовок против Чан-Кай-Ши».

Это не отдельные случаи, не исключения. Мы не имеем, правда, отдельных данных о молодежи, убитой буржуазными палачами. Мы приведем, однако, некоторые цифры общего количества погибших и раненых (как взрослых, так и молодых) в результате белого террора в мае и апреле 1927 года в некоторых странах³.

В Б о л г а р и я за апрель с/г. 13 человек пало жертвами белого террора, за май—18 чел., в И т а л и я за апрель—15 чел., за май—115, в Румынии за апрель—3 чел., за май—7 чел., за те же месяцы ранено и подвергнуто насилию в Болгарии за апрель—192 чел., за май—165, в Италии за апрель—27 чел., за май—14 чел., в Румынии за апрель—380, за май—269 чел. Особенно больших размеров достиг в эти месяцы террор в Китае. За апрель пало жертвами белого террора—346 чел., за май—822, ранено за апрель—999, за май—1.219 чел.

Всегда помнить об этих зверских преследованиях трудящихся буржуазией, быть наготове, чтобы помочь им,—во имя их важнейших наших задач. Не падать духом, всеми силами и мерами подготовиться к новой борьбе—такова задача наших братьев в революционных странах. Имена К. Либкнехта, Розы Люксембург, Энгеля, Ботвина, Грейфенберга и тысяч других удай отменения. И мы отстоим!

¹ Эти данные составлены на основе газет и потому не являются исчерпывающими.

ЗНАМЕНОСЦЫ МИРОВОГО КОМСОМОЛА

я. ЮДИЦКИЙ

Корочки во времени и безмеры по своей значительности воды существования КИМ¹. Восьмь лет! Небольшой, казалос бы, срок. Но, по правде говоря, истории, обходящая пространства, разделяющая милирики, мощное движение комсомола и в этот срок успело достигнуть влельды до самых отдаленнейших уголков земного шара.

Пренесая непреодолимые но своей жестокости огня, мировой комсомол с каждым годом все шире охватывает массы трудящейся молодежи и стройной вырывает свои боевые колонны. Мы носимая наши очерки тем знаменосцам КИМ², которые выдерживают лютый натиск врагов на наиболее отсталых ственных участках фронта. Это—т. м. Раст, Ламбре и Ловно—вожаты комсомола Англии, Болгарии и Италии. Это они первые принимали на себя удары отсталейшей реакции...

НЕИСТОВЫЙ БИЛЛ

Маленький английский союз вышел на первую порогу массовой деятельности лишь в последние полтора года. Но зато в эти 18—20 месяцев он показал образцы большинства непримирности в борьбе с отечественной буржуазией.

Эти качества как-то особенно полно воплотились в характере и натуре руководителей английских комсомольцев, генсекретаря их Центрального Комитета Вильяма Раста. Его воля, его напористость, выдержка и стойкость,—все это не только его качества. Это—основное в характере английского стража КИМ³.

Товарищ Раст говорит о нем: «Билл расширяет себе лод, когда это мало будет для революции... Это так, но Билл не следает ни одного неравного шага. И он—страшный оратор, увлекательный собеседник—а работе остается всегда, часто по-английски, спокойным, уравновешенным».

Раст разоблачает «бонз»

От своего отца, портного, Раст усвоил уважение к «бонсе»⁴, лютого негодование против ирофюзных «бонз»⁵.

Шестнадцатилетним мальчишкой Раст мертвой хваткой бульдога впился в загривок одного из таких профюзных бюрократов. Раст работ тогда клерком в конторе Гултона и Ноу—зналакой ола буржуазных газет. До этой своей должности Раст успел сменить десяток профессий. Он был и помощником пекаря, и угольщиком, и посыльным.

На новой его работе Раст случайно оказался обладателем документов, подтверждающих, что председатель Объединенного Союза металлистов Г. И. Броулли заключил с газетным трестом Гултона договор, по которому обывался передавать тресту секретные сведения о работе профюзов. Предатель выговорил себе вознаграждение в размере 6 фунт. стерлингов в неделю.

Билл раздобыл копии чекки, договора, соответствующие фотографии и разоблачил профюзного сыну в своей брошюре. Это был первый шаг Раста на политический и литературный арест. Но враг оказался хитрее, чем думал Раст. Броулли пользовался большим влиянием и поддержкой, и она шитье оказалось не предатель, а разоблачитель: Раст потерял службу.

СКИТАНИЯ ЛОНДОНСКОГО АКТИВИСТА

При своей натуре Раст не мог, конечно, удовлетвориться расплыватыми теориями тредюни-

низма. В первые же дни организации в Англии (1927 г.) коммунистической партии Раст выступает в нее. Вскоре же он выдвигается на должность секретаря местной организации. Энергия, усидчивость и революционный энтузиазм выдвинули его в дальнейшем. Раст избирается секретарем Лондонского окружного комитета, а в 1922 году—секретарем ЦК КСМ Англии.

Этот же явился для Раста вторым боевым испытанием. Ошелмываемый всей буржуазной прессой, преследуемый профюзной реакцией, почти три четверти года не мог найти работы. Должности же созиные не отпугивали Раста. И Раст аверки бестовался. Гололая и скитаясь почти без пристанища, он все же не прекращает работы.

В это время девятнадцатилетний Раст избирается организатором и членом Лондонского комитета организаций безработных. Правительство власти начинают уже «мучить» Раста. В июле Билл попадает в тюрьму за то, что во главе группы безработных он попытался добиться обратного безработных в квартиры нескольких безработных, выброшенных доможителями за несвоевременный внос квартирной платы.

В 1926 г. вместе с 11 другими членами ЦК партии его снова внаест на гол в тюрьму. Ему, как и другим, было пред'явлено обвинение в «задерж-

¹ «Бонсом»—так английские рабочие называют своих союзев.

² «Бонз»—профюзный бюрократ.

СЛЕВА НАПРА-

ВО: ВИЛЬЯМ

РЭСТ—генеральный

секретарь ЦК ан-

глийского ЛКСМ;

ГОШО ЛАМБРЕВ

(РОССВН)—б. ге-

неральный секр-

тарь ЦК болгар-

ского ЛКСМ, член

Исполкома КИМ;

ЛУИДЖИ ЛОН-

ГО — член ЦК

итальянск. ЛКСМ

и один из секрета-

рей КИМ'а

против государства». В качестве вещественного доказательства виновности Раста на суде фигурировала его брошюра «За что борется комсомол?».

Вуз за решеткой

Двенадцать месяцев заключения не пропали даром для Раста. Он сумел заполнить свой вынужденный «отдых» от политической работы упорной работой на самом собой. Этот год дал прекрасную теоретическую зарядку секретарю ЦК КСМ Англии. За это время он успел изучить, кроме того, немецкий язык и, слегка, русский.

Месяцы заключения совпали с героическими днями горняцкий стачки. В эти дни испытаний, комсомол стал крупной политической единицей, его ряды утолщились. Раст живет в тырме мыслями о союзе, о его работе, успехах и неудачах. Раст пользуется каждой возможностью, чтобы сблизиться со своими товарищами.

Раст буквально преисполнен любовью к Советскому Союзу. Он с какой-то особой нежностью говорит о Москве, где он был несколько раз. Эта любовь, эта преданность к стране, где впервые поднято знамя строящегося социализма, определяет и нынешнюю деятельность Вилла. Нейстовый Вилл—этү кличку он получил после выступления в Трафалгар-Сквере, когда говорил о готовящемся походе против СССР. Это ему принадлежал фразы, ставшая путеводным лозунгом английской молодежи.

«Если Болдуин поядет войной против СССР, то молодежь будет о Советском Союзу против Болдуина».

ЧЕЛОВЕК, УЖЕ ЗАСЛУЖИВШИЙ ДВЕ СМЕРТИ

Речь вождя

Четвертый конгресс КИМ'а. Говорит М. В. Фрунзе о том, как должна готовить себя революционная молодежь, к грядущим классовым боям, как нужно вооружаться молодежи.

Слова легендарного для многих сотен молодых коммунистов, сжавшихся в Москву со всех концов мира, вождя несут о собой новый запас бодрости, они укрепляют стойкость.

Среди делегатов конгресса молодой болгарский революционер Гошо Ламбрев (Гожен). Ему особенно дорого речь Фрунзе. Поводы мрачные дни неудач, тименного поражения. Они напозают черной пеленой и на сегодняшние дни. Гошо Ламбрев ловит каждое слово. Русская речь для него—болгарина—понятнее, чем другим делегатам.

Ме Гошо Ламбрев на последнем пленуме Исполкома КИМ'а говорил, что выступление Фрунзе зарядило его на многие месяцы тяжелой, бесконечно тревожной и опасной работы. Она, подтянула ослабевшие в прошлой работе нервы,

Снова на борьбу

А ослабеть было отчего. Гошо Ламбрев вступил в политическую жизнь желторотым юношом. И с тех пор ни дня ни минуты отдыха. Маленький гимназист Ламбрев распространял газету болгарских тесняков¹ «Рабочий Восток». Его поймали с поличным. Потянули к директору. Тогда, будущий еще учеником, он был арестован. Университетские годы заложены «порывающей работой на заводе «Инженерная работница». Здесь он работал по заданию партии.

Студенческие тесняки организации развивают широкую деятельность в деревне, антипартийственная агитация получила в работе этих

¹ «Тесняки»—так именовали левое крыло болгарской социал-демократической партии.

организаций исключительное по размаху выражение. Правительство Стамбульского обрушивается волной репрессий против студентов, тесняков, против их организаций.

Однако, это не мешает развитию только что созданного и с. л. молодежной организации комсомола. Россен занимает место в рядах руководящего состава КИМ.

Цанковский переворот 1923 г. застает Россен секретарем Центральной контрольной комиссии союза.

Первые же дни нового владычества показали со всей очевидностью, что партия сделала ошибку, не организовав отпора Цанкову.

И это особенно четко почувствовал комсомол. Из его рядов были вырваны тысячи молодых революционеров, залатавших жизнью за свою преданность организации.

На пороге к восстанию

В сентябре трудящиеся Болгарии попытались дать бой наступавшей реакции. С первых дней июля до сентябрьских ночей восстания шла бешеная подготовка к вооруженному выступлению. Гошо Ламбрев был выделен на это время для руководства софийской организацией союза.

Вся работа велась ночью. Штабквартира связалась крепкими нитями с Ю-Бунаром, Ловчанями, Полуцином и центром. Ночью во все концы города рассылались директивы. Ламбрев готовил напарники на склады, на полицейский участок. Комсомольская организация приводилась в боевой порядок. Старшие должны были получить оружие, отобрать его у полицейских, и идти в боевые роты, младшие предначинались для несения служб связи. На 22 сентября назначено было организованное выступление.

В Софии оно было сорвано арестом революционной комиссии.

В подполье

Тогда-то снова впервые начал работу в нелегальных условиях. Ему пришлось продолжать огромные неизменные до той поры трудности нелегальным. Никакого опыта в этом направлении не было. Негде было и пошерпнуть его. Гошо Ламбрев в эти дни показал себя прекрасным организатором и чутким руководителем. Он, один из первых, пошел путями строгой конспирации, ему принадлежит заслуга практического выполнения директив КИМ'а по переводу болгарской секции на систему нелегальной, подпольной организации.

В 1923 году Г. Ламбрев избран секретарем болгарского союза. Он выезжает в провинцию для организации местных союзов.

Второй «обвал, совершенный несколькими месяцами позже, показал, что союз возродился после разгрома полностью.

Сам деятельно работая над изучением Ленина, Россен продвигал в мас-

Плакат верманского комсомола к XIII МЮД'у

Es gibt auf Erdenrunden
nichts was uns zwingen kann,
Kein Gift und keine Wunden,
Kein Teufel und kein Bann!

KARL LIEBKNECHT SPRICHT:

Jungarbeiter hinein in die Rote Jungfront!

Плакат германского комсомола к XIII МОУЧ

сы союза ленинского учение, внедряя в повседневную его деятельность ленинские принципы.

В августе — сентябре 1924 года союз был потрясен несколькими провалами. Возникло опасение, что в рядах союза затесались провокаторы. Россен, несмотря на опасность провала, вновь развешивает по провинции. На этот раз его задачей является укрепить стойкость членов организации, приучить их к мысли, что провалы возможны, и научит держаться в застенках Цанкова гермайки.

Результаты этой работы скажутся в дни кровавого разгрома, произведенного цанковской после взрыва Софийского собора.

Теперь, после процесса Друмилковского, мы хорошо знаем, что действительный виновник взрыва. Но тогда Цанкову удалось все свалить на компартию и комсомол и на этом основании по-прежнему с ними расправиться.

Застенки цанковским

Цанковские молочки извелили из католического архива средневековые ус уточненные методы пыток. Смигание живьем, накачивание водой желудков пытками, бивание по лопатки гвоздями, половеание, — все это применялось для того, чтобы заставить признаться в участии во взрыве собора.

Палачи ничего не добились. Комсомольцы умирали под пытками, сами убивали себя, выражались из тюремных окон и, прибегая к веревкам, вешались.

Но и умирая они не переставали думать о товарищах, оставшихся на воле. Прекрасный образец комсомольского героя показав Тодор Димитров. Палачи вырвали куски мяса на его груди и спине. Истекла их острая, Тодор этой же кровью наливал на пошвах ботинок: «ничего не выдал». Димитров умер, его одежду вместе с ботинками вы-

дали родным. Через них Россен узнает, что Тодор умер, «ничего не выдал».

Живьем не сдаваться!

Жуткие дни пришлось пережить Россену после взрыва собора. Бригады смичинов были пушены по его следу. Его имя фигурировало во всех газетах, сообщавших о нем организаторе «комсомольцев» — всякие небывши. Гоша прыгало в развалинах домов, в глухой местности, не выпуская револьвера из рук. Ирепка — в мусорных ящиках, в заброшенных полах.

Впрочем засыпать разрашал себе только после 5 часов утра. Опыт показывает, что если до 5 часов поливались, слышишь и жаманарин не напали на след, то после этого времени они прекращали погоню. Уставали, выжили.

Но однажды, как-то раз когда Россен позволил себе роскошь лечь на полу разрушенного дома и даже снять ботинки, — это было после 5 часов, — нагрянула облава.

Первое, что увидел Россен, — дрожащую руку, судорожно сжимающую револьвер. Она торчала из окна. Головы шипки перед легендарным организатором комсомольцев шипят прямо в лицо.

До Россена доносились шорохи на других мест его ночного пристанища.

«Скрутилки». — Эта мысль внесла оплошность. — Выхода нет. Надо, значит, умирать. Но умереть следует, как можно дороже продав свою жизнь.

Среди шкинов установилось твердое, не совсем верное, правая, решившаяся, окривела на лавателю. Так поступили Косто Шурва, Атанас Стратиев.

Россен открыл стрельбу, убил смичина, внес этим замешательство в ряды полицейских и убежал, захватив револьвер убитого им шипки. Россену удалось спастись.

«Мы существуем»

Плане он сваялся с остальными, оставшимися на свободе ботинками. Сообща выпустили декларацию. В ней напомнили о своем существовании. «Мы не разгромлены, мы существуем и будем пропалывать свою работу!» — говорили возмущенно.

Через три месяца Россен вновь попал в засаду и вновь, отстреливаясь, бежал. На процессе членов комитета и комсомола, состоявшегося в 1926 г. Россен — Гошо Ламбрева — приговорили к смерти. Но это пришлось сделать заочно, так как Россен продолжал оставаться на свободе, деятельно работая над воссозданием союза. Он искал в Бельгии пути к решению КИМ а партии и союза. Но не раньше того, как союз стал вновь работоспособной организацией. Сейчас Россен — член Исполкома КИМ а.

На этот процесс членов ЦК комсомола, уже в нынешнем году, Россен вторично, и опять заочно, приговорен к повешению.

КОМСОМОЛ СТРАНЫ ГИЗУЛКА.

Весьма — редкой гость в жизни Фадима Лонго. При всех обстоятельствах, даже в минуты общего счастья, всё же сохраняет выражение настороженности, оно говорит о глубоких и тревожных мыслях

бравованных мост этого революционера. И этот внешний облик его как-то не вписывается с представлением, которое у нас установилось о положительных итальянцах. У Лонго нет итальянской жесткости, экспансивности и неуступчивости.

На самом себе он не раз испытал прелесть фашистского владычества, и это тоже не могло не отложиться отпечатком на его характере, на его душевном состоянии.

Лонго прошел тяжелую революционную школу. Сам мелкого деревенского торговца, он последние годы империалистической войны выдался в рядах солдатских настроений. Стремясь возмужать, он вместе с ней отбросил и принятое ему с детства отношение к жизни.

Среди турецких пролетариев

Луиджи работал последнее время в Туринском пролетарском центре Италии. И это способствовало приобретению Лонго к рабочему движению.

В 1919 году Лонго вступил в социал. союз молодежи. Он начал свою работу в группе, отличавшейся своей революционной и патристичностью.

В течение двух последующих лет Лонго активно боролся против социал. демократических уклонов в социалистической партии. Он требовал изгнания меньшевистских элементов, он выступал ярким сторонником революционного действия. На форенинском съезде (февраль 1921 г.) был завершил раскол социал. партии, социал. демократы были исключены вовсе. Революционные элементы социалистической молодежи организовались в коммунистический союз молодежи.

В Лонго в это время руководит турецкой организацией; в марте 1924 года его избирают в состав ЦК комсомола Италии.

Товарищ 30 казненных

Лонго едет в качестве делегата на IV конгресс Коминтерна и III конгресс КИМ а в Москву. Его пребывание в Советской России совпадает с наступлением фашизма. В Италию он возвращается уже в дни злой его реакции. Его встретили новостью, что 30 его турецких товарищей повешены жизнью за свои убеждения.

Полития продолжает поиски коммунистов. В конце концов, Лонго попадает в лапы офицеров. Полиция обнаруживает в Милане подпольный съезд друзей и арестовала Лонго, Верги и ряд других товарищей.

Десятидневное заключение не исправило Лонго. Из тюрьмы он вновь переходит на нелегальное положение и продолжает работать в секретариате союза.

«Дегализация» печата повозила союзу продолжать издание своего органа «Авангард». Лонго стал редактором эту газетку, и она приобрела вид и фашизму, расчленившись в удар, массовость.

Принужденный работать в строго конспиративных условиях, Лонго, вместе с тем, всегда добивался того, чтобы общаться непосредственно с широкими кругами революционной молодежи.

Лонго добивается популярности «Авангарда» среди трудящихся молодежи. Тираж газеты превзошел все ожидания.

Это не обошлось даром для Лонго. Его несколько раз таскали в суд, газету же конфисковывали.

С'вед на старой мельнице

Комсомол Италии обязан Лонго единством и сплоченностью своих рядов. Самоотверженность, стойкость и глубокая политическая чуткость Лонго помогли союзу освободиться от ультра-левых уклонов. Это движение охватило, правда, очень ограниченный круг комсомольцев, но оно все же подорвало единство его рядов. Лонго отдал себе деловую потогонку. У с'вед союза, очень своеобразные, о готовящемся подпольном съезде, посвященном по пятам Лонго. В эти дни его травили по всем направлениям искусства «оржавки». И все же с'вед состоялся. Глубокой ночью делегаты собрались в Пьемонтских горах, в стенах полуразрушенной мельницы. Тот же с'вед позволил передать указания в ряды союза. Он показал, что нелегальщина не порвала связи союза с массами. Сейчас Лонго работает в Москве в качестве одного из секретарей КИМ а.

ПОХОД ЗА БО

1. КАК ЭТО БЫЛО

Два дня, 6 и 7 августа, 1.700 московских комсомольцев провели в походе, организованном МК ВЛКСМ, речадель «Комсомольской Правды» и Мосвиахином.

Все участники в течение двух недель прошли военную подготовку, и вечером 6 августа они из Москвы в Ромашково отправлены в полном боевом снаряжении на театр военных действий.

Военной игрой руководил штаб под непосредственным командованием заместителя командира полка С. С. Каменева. По прибытии на место состоялся митинг, на котором батальоны отправлены в штабу. Там устанавливаются охранение и получают первые доношения о противнике.

В пять часов утра следующего дня батальоны выступили с линии Губеинского шоссе, затем 1-й батальон под прикрытием огня 2-го батальона наступал, переходя в брод через реку Москву. После фактуральных соревнований военные действия продолжались, при чем 1-й батальон наступал по левому берегу реки, 2-й — по правому.

В задachu полка входила защита столицы. В середине дня противник был смет и отступил перед натиском полка.

В походе участвовали санитарные отряды комсомолов, связисты и велосипедисты.

II. ПОД ЛУЧАМИ ПРОЖЕКТОРОВ

Промежтора автомобиля врезались в гущу лесной темноты. Автомобиль тов. Каменева а обжмал овраги, с трудом расклев лужи, увязая в песне; прожектора освещали путь, и в полосу света мы увидели поразительную картину.

В лесу стлал какой-то необычайный хруст. Извиваясь черной лентой, меж стволов молча шли и шли отряды, свет прожектора зажег и тлел штакеток.

Тов. Каменев в высовался из кузова машины, он с каким-то ообной усоловствием «разглаживал усы и бспрестрано повторил:

— Какая прекрасная затея... Какая прекрасная... По-вольте, — обращается он к тов. Курдюмову, — кто это назвал поход «походом за боевым опытом», — великолепно!

Автомобиль обгоняет колонии бойцов. Полчаса назад на поляне селения Ромашково зампредрайвоенсовета принял торжественный рапорт командира полка:

— Комсомольский полк прибыл на место и готов к бою.

Полчаса назад тов. Каменев выступил перед полком с речью. Час назад в Ромашково шел шестой комсомольский полк... Два часа назад строился у московского вокзала полк... Только вчера теперешние бойцы работали у станков.

III. НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ

Где-то в ночной тьме кроется неприятель. Где-то ползут шпионы где-то задуваются «коварные» пламя... В субботнюю ночь мирно отдыхает столица и никто не знает, что Москва грозит опасность «нашествия».

Ротка слушивает боевое задание

Шагающие в лесу знают. Не даром две недели кипела подготовка. Темная ночь, хруст шагов, тишина...

...Бдаль вырвались силуэты похолодных кухонь, на пригорке темной массой застыл прожектор, вот он брыкнул ослепительным столбом. Шаг и привал.

Подбегает двое неизвестных, они молча передают споминанную бу-

Земляки перед посадкой

(Перенос со стр. 7)

неудержимо неслись в едином стремлении выбить врага. Трепачи наизюbito пулеметы—деревянные трещотки — и под их прикрытием шли чины. Воображение рисовало настоящих бой, кровь вскипала в молодых жилах, и крепко сжатые губы как бы не давали чувствам и мыслям вырваться наружу. Я пробрался вадь дщи наверх, на выступ горы, где собрался штаб. Отсюда можно было окинуть взглядом пладаром военных действий. Неприятель стоял на сухие леса, идущего зигзагом вадь противоположного берега, и стрелял в упор наши батальоны. Второй батальон форсировал реку. Бойцы шли гуськом для того, чтобы огонь противника не нанес бы ни большого урона, и, оступившись, они не смогли бы отступить. Командир полка, выходя из леса, они продвигались все дальше и дальше, оттесняя противника в гущу леса. Тогда-то мы увидели, покачивавшихся нам позорным, наступление первого батальона. По настоящему увлечены боем, батальон бежал по мосту, забыв, что по плану моста не существует, что, отступая, несутся огни взорава. И на другом берегу первый батальон шел густыми колоннами, представляя собой хорошую мишень для неприятеля.

Кто-то из «окуровства» тихо выругался, а начальник полнотчества штаба Бойцов начал горячо доказывать, что наступление провалено. Но помощник главного руководителя, Курдюмов, стоял непоколебимо на выступе горы, вглядываясь через полевой бинокль в наступающие колонны первого батальона. Беловая играла на его щеках. Асс напоминал трюкотом и шумом боя. Тогда Курдюмов, поставив малюти сугубом ко оть, крикнул:

— Проклятый отряд! Его слова возмущали заводными и отделившим «шим -штабам», сказал.

— Вы что думаете, я было бы лучше? — сказал.

На привале ели «малюти бутерброды и пили чай в соседней деревнянке, окружая нас плотной стеной сбитой рязьей борщевки, как дровосек при рубке

ВВЕРХУ: Двинулись в наступление

Первое доношение о враге

майки. Тов. Курдюмов пробагает отроки: — Герасим доношение о враге.

Между тем, ил т разведки переправ, прво имо связиста опутывают позиции, расставляются часовые; короткий отдых, и вине утро снова застывает споминане рыды ринутся а бой.

Первая помощь

VI. ЧТО

Тов. С. С. Каменев по окончании операции... Тысяча омыслот илюкоку-отва разбиты в Москву. Эти два дня огромная машина-комсомольская выехала, вылетела нападением вадь комсомольской горы, и «Москва в опасности».

Первый поход был показан: если имеем стивительным, с тав бой, пол настоящих дня похода, два дня

Е В Ы М О П Ы Т О М

IV. ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

ВАРМЕНА

Наступление! Неприятель яростно сеял смертоносный огонь пулеметов. Наши наступают, и тогда неприятелю ничего не остается делать, как отступить под прикрытием пулемета-тресотки. По плыву в этот момент должна была пролетать артиллерия и авиация производить воздушную атаку. Их не было. Но разгоревшееся воображение дорисовывало картину боя, и казалось, что кохрут—бура огня и взрывов. Бойцы идут по пяткам за врагом. По горло в воде они переходят реку, и мы уже на неприятельском берегу.

Но, несомненно, были «жертвы». Были раненые, они падали под «выстрелами» врага и тогда подбегали санитары, «безжизне мое» тело по в ем правилам военного искусства под неприятельским огнем укладывалось на носилки и переносилось.

Перерыв. Выстрелы стихают, начинаются политзянтяя.

ВВЕРХУ:
В дозоре

СПЛЕА:
Стрелок под
прикрытием
в ожидании
атаки

СПЛЕА: Штаб на-
блюдает за ходом боя

ВВЕРХУ: Разведчики
спешились

V. АТАКА

Наонец, решительная схватка. На опушке леса перебегают первый батальон, за ним второй. Здесь впервые враги сталкиваются лицом к лицу. Жесткая схватка, слева команды, азарт—и противник бежит под боевым давлением. Через полчаса траги мирно встречаются у городских куков, весело смеясь, жуют мясо и делятся впечатлениями похода. Потом общее знакомство с танками с газами, стрельбище и торжественная встреча во «вражеских» войсках на Октябрьском поле.

ВВЕРХУ СПРАВА:
Пулеметчик

СПЛЕА: Ночная разведка

Красные сестры переносят раненого под неприятельским огнем

ЗАДАЛ ПОХОД

главным руководителем игры, которая превзошла все ожидания. Но по всем правилам военного искусства, который должен был пленить наших комсомольцев, как-то не искусства, сколько умения, храбрости нужно, чтобы отразить защиту столицы первый командой, условное, но страшное.

молодежи Москвы блестяще, если условное станет действительностью в настоящий момент тысячных боёв,—два успеха служат порукой.

МИХ. РОЗЕНФЕЛЬД

Стрелки в цепи

СПРАВА:
Переправа на
плотах

быть сбит! Передавая дальше! и вторичные десятикратно, повернувшись к рощу.

нами бою форсирование реки и бегство!

ми, как их в шутку прозвали, и не встретили крестьяне так близко и ближе, чем в них, плотный человек и по коленным и, гекка, ина, вскидывая ноги выше

головы. Потом он сразу прекратил плакс и закричал насмешливо и злобно:

— За Советскую власть все расшибем!

Но его отталкивая молодые парни, стараясь втиснуть его назад в толпу. Он не давался и кричал все громче и громче:

— Ну, подходи кто, расшибу!

Его уже оттеснил дожде плачи, когда молодой парень с колючими глазами сказал:

— Будь, куда молодых-то девать станешь, старик?

Тогда закричала весело и дружно.

— Эй, старик, молодых куда?

Борода снова вымыривала из толпы.

— Я за Советскую власть гражданскую всю прощаю. Ты не гади, что старик. Старый боец—лучше молодого,—место ответа снова загорачился бородач.

Когда поход уже кончался, я вспомнил слова крестьянина в рубаше малинового цвета и почувствовал, что, если наступит день действительного боя и перед нами будет не воображаемый, а конкретный противник, этому крестьянину, как и всем участникам гражданской войны, будет радостно идти в ногу с этой молодежью, у которой в движении и в глазах поступь машины. Должно быть и те дни чем-то будут похожи на Октябрьские дни, и в глазах бойцов, как и в дни Октября, вспыхнет ненависть и месть. Тогда, как и сегодня, небо выбросит пупурный флаг, под которым пройдут рабочие батальоны.

КЛУБЫ И ШАХМАТЫ

Ю К

Очерк Б. ГАЛИНА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В пьесе «Штіль» есть такая сцена. Старому большевику (рабочнику контр. комиссии) приносят вапску от покойничего жизнь самоубийством молодого, неустойчивого партия. В эскизе он писал о том, что тиснено пытался перед смертью поговорить по душам с секретарем партия, поговорить о той внутренней человеческой боли, которая гложет его, не даст покоя... Но, вместо товарищеской беседы, он получил безудачный ответ: «Зайдите через час-другой, мне сейчас нечего. Часом через час не мог взглянуть, ибо застрелялся».

Так было на помостках сцены, в пьесе. А как в жизни? Имеет ли место факты извещенного брато-кратического отношения к человеку? Да, к сожалению, имеет. И не только к людям чуждых нам взглядов, но и зачастую... это еще больше... к товарищам по работе.

Грех идет не о жалости к человеку. Нет, не о ней. Дело — во внимании к каждому человеку, к товарищу. Недавно в одном из комсомольских райкомов разбиралось дело одной комсомолки, которая, якобы, обманула явчю, писала, что ушла от родителей-торговцев, а на самом деле продолжала с ними переписываться, иногда даже навещать. Явчю постановили исключить ее из комсомола, изгнать из вуза.

Один из присутствующих на заседании райкома товарищей поставил так вопрос: «Выгодно ли нам так оттолкнуться от ее комсомола? Неосколько лет подряд она искренне пыталась, и не безуспешно, поработать в клубной семье. Неосколько лет она шла с нами одной дорогой, а сейчас мы своим решением сами толкаем ее в объятия родителей, никакой поддержки больше не оказываем. Надо ли так поступать?»

Тогда один из активистов района ответил за всех, ибо никто больше не возражал:

— Стоит ли заниматься филистерией? С чего это мы должны изничтожить с каждым человеком...

Он, этот активист, в нескольких словах подал нам лишь те комсомольские работницы, которые считают, что, дескать, не к лицу нам, двухмиллионной организации, изничтожить с людьми.

Думаю, что теперь больше, чем когда бы то ни было, каждая человек нуждается в круговой, товарищеской поддержке. Ведь так много кругом противоречий, непонятного для многих наших товарищей.

Немало среди нас таких молодых натур, которые разочаровываются, порывают с организацией, а иногда и с жизнью во многих случаях по той причине, что неименно к ним, отсутствию товарищества гнет их, выбивает из комсомольской среды.

ЧТО ЗНАЧИТ ОТОВАТЬ ЧЕЛОВЕКА ОТ ШАХМАТ?

Клеть, дрогнув и вынырнув из черной пасты земли, застала пал шахтой. Из клетки по одному гуском вышло 5 рабочих. Лица их были покрыты налетом пыли, одежда грязна. По нармтому рельсам приспикомо двору двигались в равных направлениях группы рабочих.

Первым из клетки вышел Николай Курочкин. Вытрав шагом тронулся он к черевиним воротам. За ним, слегка запыхавшись, кинулся Серенко Ложкин и, нагнав Колю у ворот, тронул его за рукав.

— Коля, ты куда? На вечерку прилечь? — На вечерку? — переспросил Николай. — Нет...макнул он рукой,—нет, не приду...

Их поглотила толпа рабочих, влившаяся в широкие ворота. Серенка, отбегав в сторону от Коли, кинулся в узкий переулоч, примыкавший к прикамью. По широкой поселковой улице, обсаженной тонкостельными деревьями, ветер с легким свистом кружил шарашники по сухой желтой листве, хлопая ступнями широких ошивших рабочих домов.

Тихо в поселке. Один за другим ирруют в темноту заполовские прокопные и исчезают в узких калитках дворов. Николай шагнул под калитку того дома, где проинавал, но потом раздумал, постыл незлогу на одном месте и тронулся дальше тротуаром вдоль улицы.

На перекрестке двух улиц раскрасиваемый ветром фонарь осветил его бледное лицо с заостренными скулами и крепко сжатыми губами. К фонарю кинулся собака, но, увидев Николая, с визгом кинулся бежать. Николай посмотрел ей вслед, пробормотал: «чего бежит, дура».

Не хотелось ни о чем думать. Николаю казалось, что попробуй он сейчас разорветт грудь мысли, набивающихся за последние время, и сразу же он сплывется, вылетит из того душевного равновесия, которого он так тиснено добивается.

На прошлой неделе, в такой же вечер он отсыл секретаря комсомольского коллектива Откарского присика и, вызвав его из клуба, пытался рассказать ему все то, что мучило, не давало покоя ни днем на работе, ни ночью в часы отдыха. Выйдя из крыльцо ярко освещенного клуба, секретарь, недовольно, должно быть, тем, что Николай отворачивал его от интересной партии шахматов, спросил притихшего Курочкина: «Ну, что, говори смелей».

Николай молчал и не знал, как начать.

— Вот,—скавал он настороженному секретарю,—дела какие, товарищ секретарь,—Бездельно мучит. Ты погляди, второй гол уж пошел, как я пришел к вам, да что толку... я вот...»

— Как что толку? — перебил секретарь. Ах, вот ты ешь, из беспризорников его вытнудил, а ему мало. Говори делом, чего хочешь?

Рисунки Ю. КУПРИЯНОВА

«Он говорит дело» Николай уже не мог. Он пытался было рассказать о том, что, вытнудил его из окупа беспризорной жизни, дичья кинула ему только одну узкую сколину, а ему хотелось стоять на земле не одной ногой, а двумя, крепко. Бесованно кшпал он молчавшему секретарю слова о работе, которой он помогает, о той комсомольской нагрузке, которая возмещает человека в собственных глазах, но как на грех слова выходили неуклюжими и сотой долей не выражали того, что Николай хотел сказать.

— Да ты, парень, дуришь,—сухогато сказал секретарь улюмщику Николаю и, вившись за ручку двери, добавил:—Сам не знаешь чего хочешь, а требуешь...

Секретарь вошел в клуб и, полаяв к ребятам, столпившимся у шахматных досок, потирая руку, весело крикнул: «Зернись, Фелька, оставим вас сейчас».

Из его памяти уплыл так нелепо тивувшийся разговор на крыльце клуба.

ГДЕ ЖЕ НАСТОЯЩЕ?

Эту беседу с секретарем вспомнил бытчас Николай и ему стало тмдно, словно он совершил что-то нехорошее, не-комсомольское. Домой не хотелось идти. Там, в черной, немой комнате отец, отсылавшийся от работы, хран ошивших людей, спертый воздух. Хотелось как-то разобратся, поговорить с самим собой, но мысли сплелись в один крепкий клубок, распутать который одному было не по силам.

— В самом деле,—шагал по опустевшим улицам, раздумывая Николай,—какое дело секретарю до того, что дома меня возмущает на беспризорное митие, что я шатаюсь... Кой черт я лезу с разговорами.

Николай перебрал в памяти все яркие запонившиеся дни своей девятнадцатилетней жизни. Вот он бегает по улицам, шаркает в компании таких же, как и он, безработных ребят по базару, дворам. Ничего светлого нет в этих странностях беспризорной жизни. Ну, что хорошего выдел он в своей жизни? Озвонбленный опускался он все ниже и ниже, и, когда из явчюво пришла обведать поманше митие, то Николай встретил их влюблю. А одна из пришедших делегатов споживо, будто пришла к себе домой, попила сплужившоу со стола газету, акурнатуро разглядела ее по помосу стола и, обернувшись к молчавшему Николаю, ровным голосом сказала:

— Ну, малец, приведи себя в порядок, с недели пойдешь работать.

Ничего не скавал Николай, только недовольно глянул на делегатуку. «Знаем, мол, вас, шлюхавы... не видели бедности».

Лучшим днем своей жизни Николай считал тот, когда он в шесть утра впервые тронулся с детства спешивших на работу шахтеров. Ах,

как приятно было, услышав в левом боковом кариане равного жесткой желтой ниточкой— № 2251, довод, не глядя на табельную доску, ошутливо отыскать гвоздик и пропеть свой рабочий номер. Жадно вытисывая он все, что раскрывал перед ним прищек, забравшись в дальний конец залового зала, молча сидел он, внимательно слушая все, о чем бы ни говорили. Удивленно с удивлением глядел он на секретаря, который довод, без вагинки решающего мелочных словца прищипывался, «что почему требуется ясность и ясность».

Об обратный кинулся он в клубную библиотеку. Но книжнич, рассказывая об интересных вещах, открывая глаза на никого, что по шаг пор было неважно, все же не давали ответа на некоторые простые вопросы, которые возникали в будничной жизни.

— Ну, хорошо,— раздумывая Николай,— мне дали материал. Работать в МОПРе, жетом про продавца... с полисными листами богаты и поругиваются с рабочими... Скудливо не ты, а где же ты, а на что ты?

Думалось, что секретарь, который так умело орудуя: авионик на обфанин, мудреными словами, он-то, наверно, сбросит туман, разводящий душу и даст прост ответ.

При воспоминании о встрече с секретарем Николаю стало душно, и, распахнув ворот козоротки, стал жадно глотать ночной воздух. Ночь была лунная, обняла поселок и одинокими, бедными звездами расглядывала притихшую зе-

млю и Николая, опустошенного думами, шагающего по темным извилинам уличной поселка. Первые лучи провозглашало уходящую всю рясными криками и глухим хлопном разорвавшихся от сна крыльев.

С ОРКЕСТРОМ ИЛИ ЖЕ...

В 12 час. луня, когда по небу поплыли гудки первого шашаба, в комнате Николая Курочкина раздался выстрел. Прибежали товарищи, комсомольцы из ячейки.

Порядился в комнате и нашли записку комсомольца Курочкина. Он писал:

— «Вы знаете сами, товарищи, что я был хулиганом. Но это было до комсомола. В ячейке я исправился, равнялся... А меня не использовали. Выт Курочкин хулиганом, стал комсомольцем. Вот и лают. Вот и все. В комсомоле у нас нет организованности, дружбы. Простите меня, прошу, как комсомольца. То в а р и ц и! Обращаю внимание на одноклассники!»

И тут вдруг все вспомнил, что этот самый Курочкин несколько месяцев под ряд сам не выходил, тосковал.

Побежали за секретарем. В комнате ячейки горячо заспорили: хоронить ли Николая Курочкина, бывшего комсомольца, всей ячейкой или же... с оркестром или же...

ПОВЕЛАСЬ С КОМСОМОЛЬЦАМИ

Из рассказов ИРОЧКИ С ОКТЯБРЬСКОЙ, рассказ четвертый 1

В рассказах ИРОЧКИ С ОКТЯБРЬСКОЙ изображаются мир комсомольской и беспринципной молодежи, как он проявляется в сознании беспринципной девушки, побывавшей в интересе «межанинство» молодежи и не оставившейся до комсомольца.— Ирочка блуждала и в о ч и н о л а п о с л е д н и м у с л о в а м с л о в н ы м и п о д р о б н ы м и. В рассказах Ирочки, уже написанных нами, читатель познакомился с комсомольцем Шушкой, и его чудаческим увеличением каминами: то он франт, то он стрижок, то он мотопилка; его сменяют еще нежные любовные нити с большой и Дуськой — Дуськой Мельничкой—комсомолькой, которая на минуту превращалась в чужую блондинку и не откалывалась от товарищей,—и с Дуськой Волгой—мелочной, лютящей в молодежи мелочные замочки, в среде молодежи происходили расколы. Мир комсомольской общности и мир флюкстронствующей молодежи — противоположны, и между ними идет борьба. Ирочка сияет массой нами и поочередно сблизается то в ту, то в другую сторону. Еще трудно предсказать, чем разрешится ее колебание.

Следующий рассказ Ирочки—МЫ У АМЕРИКАНЦЕВ—читатели прочтут в № 18-ом нашего журнала

1. ЧЕТВЕРТУ ТЕТКУ ВЫДУМАЛА

У нас давно и не было у Марии Ивановны; наверно, она на меня обижается. Надо непременно сходиться.

— Мама, мама, тетя Маша снова сегодня? — А куда же ей ходить? Всегда она дома сидит. — Вот я к ней пойду.

Тетя Поля обрвалась. Она все обижается, что ты не ходишь. Год, годик не была, родственники гнушаются.

Я скорей повзвала косылку. Тетя Поля провозвекет, поклоново надала... По Дуське перекуду иду и замечаю... в окошке не Дуська Мельничка стоит, а и забавно, что она здесь инвент. Иду и мимо и очень спешу, как-будто не вижу.

— А, Ирочка, здравствуй!

— А, здравствуй. Что это тебе не видно?

— Дуська, как выживает?

— Ирочка, миленькая, заходи к нам!

— Я спешу по делу. А зачем и тебе понадобилась?

Тут со мной многое случилось, я тебе рассказывать не буду.

— Ну, рассказывай, я постою.

— Нет, что ты, нельзя так. Зайди, никого в квартире нет.

— Неужели и она теперь за советами приставать будет? — Александр Соколов,— знаешь ли, который у нас в борю?— мне предложение сделал. Выходит за него, Ирочку? — «Обязательно выходи»—смаку.

— Ох, подружка моя, Мы с тобой волюлись.

Я побрела, ты отбыла.

— Ну, Ирочка, выходишь ли ты на борю... — Неужели, на борю? Когда?

(У них борю—это самое уже послезавтра дело Болги кто раскулаживалось.)

— Сейчас отступ... И ты как раз, я лане думала, что те в сказали.

— Нет, м е з н и к о не говорил.

— Ну, вот, Там Михаилцев, Соколов Шушка, Кувын, Катя специально пришла. Все на меня. Пионерки пожаловались, что я не хожу. Михаилцев греки стал перемещаться: в клубе комнату пионерской игадали.—Дуська, говорит, ключ ваташила, а не заперла. В лагерь ехать надо—ничего не притоговано, денег нет, родителей не собирала ни разу. Ребята разбавлялись и в, общем, отряд разваливается.

— А ты, а ты что ли молчала? Уж я бы мне всю правду выложила!

— Я ворулю.—Не могу работать с пионерами, предупреждала, что не могу. Тут выступил Шушка и давай кричать. Что мне неприятно то, что и очень способная и с ребятами умно общается. Это не от неужения, а от нежелания, говорит... Как никак, а в инстинкт орать не должна была, хотя бы и не в первый раз.

Я страшно удивилась.

— И правда, оказывается, Шушка—подлец так говорил! Ну, а ты?

— Конечно, правда. Уж кто бы кто, а Шушка, ведь, знает и сам говорил, что понимает и верит... Я не выдержала!—Делайте со мной, что хотите!— и убежала, а ты бы дала лапалась.

— Что теперь будет?

— Не знаю.

— А я да Шушка. А им его за порожнего считали.

— Он, Ирочка, очень честный комсомолец, и он правильно сказал насчет дисциплины. Ведь, мы с ним, знаешь, в городе встретились...

— Как раз и было честность его...—Чуть не букнула ей пор протки!

— Мы тогда надо мной посмеялись, в мяч-то, и меня от пионеров отравили. Я и к тебе перестала ходить, и со всеми ребятами не хотелось встречаться. Пошла и записалась в Политтехинский музей и лекции, там интересная баваду. А Шушка, оказывается, давно технические лекции слушает. И вот, знаешь, он парень прямо!

— Зачем ты сюда пришла?—говорит.—Тебе разве интересно?

— А почему мне не может быть интересно?

— Нет,—говорит.—Жеги ж, если интересно.

Ты уже записалась?

— Да, но я еще хочу картины посмотреть.

— Это,—Шушка говорит,—в воскресенье можно сделать. Я там был. Галерея картинная.

— В воскресенье мы в галерею и были. Интересно там, Ирочка, я до чего знавала, что тебе не было, в уж Шушка на казком шагу.—Вот эта бы картина наверно Ирочке понравилась!

— Получуешь, какой забавный!

— Нет, Ирочка, ты напрасно, я бы тебе рассказала, как он тоскует... да ты не красней!

— Слушай, Дуська, будешь ты делая говорить, а не то я уйду!

— Ну, погоди! Вот я говорю Шушке.—А почему мы за ней не пошли?—Да она бы не захотела!

— Нет, я бы пошла.

— Нет, погоди! Сама бы я ему и сказала.—И следующий раз обязательно вместе пойдем... Да...

— Какой же вам интерес другой раз ходить?

— Да там и в пять раз всего не вымостришь...

И у меня будет времени свободного побольше, как из комсомола выгнано...

Сидит моя Дуська, руки свесила, сама маленькая, меньше меня! А ведь, это я ее подговорила.

— Ах, сволочь Шушка, я ему заааа! Где бы только поймать его.

— Нет уж, Ирочка. Он правильно сказал.

— Это и к тебе Маша выдумала пойти! Год не была и еще год не буду.

II. ДОЧЕТАЕТСЯ... ПОДРУГЕ, А НЕ МНЕ

На другой день и путь подметала, бенист Дуська Маленькая.

— Куда илешь?

— Слушай, Ирочка, хочешь на концерт идти в клуб Кукуштерова, 23-го в семь часов вечера, билет 25 копеек? Там будет всякое пение, танцы, все! Илешь?

— Покожи! Скажи только, не понимаю, Кто илеть?

— Эскурия от ячейки.

— Следи комсомольца?

— Всеже нет, кто хочет. Многие уже записались и беспринципных. Но говори скорей, мне бежать с пакетом. Ирма! Долой вместе, я тебе что порасскажу—ты не поверишь!

1 См. «Смена» №№ 13, 14, 15.

— Зашли. Я тебя буду около Северного ждать...

Иду к метро, а из вагона ремонтной смены, Зюска натиснул, день от дня она крутеет. За него Павка шагах в пяти—значит, не совсем расхлещены. Какой противный этот Кузнец!

— Шурочка!

Целая компания выматывала из лесо с очень горячим разбором. Шурка в пилу не соображал—откуда его повалили, ажирается во все стороны.

— Вот эта барышня зовет, Соколов, куда ты завтерелся...

— Шурка расхохотался.

— Ну, пока!

— Вот тогда к мне, пацкей потер ее правую руку,—протрауил.

— Здравствуй. Ира. Значит, сердится перестала?

— Начуть не перотала, еще больше сериуем.

— Вот-вот! Это твой Дуськи шутки?

— Нет, что т в о е я Дуськи шутки.

— Мер?...?

— Шурка совсем опуцел, я хохочу, умираю про-сто.

— Погоди, ты мне толком скажи, какая же Дуська!

— Ах, так ты, значит, с обеими в Третьковку ходил?

— Шурка покраснел, весь залился.

— Где это покар, не знаешь, Шурочка?

— За руку ухватил меня, стиснул.

— Ты увидишь, пальцы сломашь, придется Кольку Сердюкова на помощь звать.

— Прости, Ирка, я нечаянно...

— Ну, я, конечно, с правилами вашей компании незнаюма.

— Вот ты за что сердишься? Ну, прости, я, ведь, тебя не умал оскорблять. Ты знаешь, как мы относимся к Федоровой, это элемент, с которым мы боремся. И ты вдруг попала среди них!.. Ну, какое ты имеешь к ним отношение, сама реши.

— Больше ты славай, Шурка, а разговаривал тогда как тая с ней, мне даже не ответил.

— Да потому, что ты ей предоставила за тебя говорить, а сама держалась за Дуську Большой, в роде как мы за Ленину.

— Ну, ладно, пошла комса митинговать. Ты вот лучше скажи, за что Дуську Маленькую из комсомолки выгнали?

— Он сразу уцмался.

— А ты чего заступалась? Вашего полку беспартийных прибудет.

— Эх, ничего вы в девчатах не понимаете, какие хорошие, какие плохие.

— Шурка совсем равесилась!

— Кое-чего понимаем!

— За наклаузом показавшая Дуська Маленькая. Руками машет. Шурка поотступил ко мне и спирил побойтер и тише:

— А почему вдруг она мол?

— Еще бы, по центрам гуляет, по музеям, вместо лекции слушает?... Знаем... знаем! В Мосские живем!

— О чем это вы?—Дуська оживленно.

— Да, вот... И скавать советую...—Шурка забавно наморщился.

— Дуська глаза раскрыла:

— Дале так?

— Ну, или, или! Какой нахалитский стал!

Мы пошли, она молчит и я молчу, так и черед весь Юный мост, до самого забора. Вышли на Перевалку. Дуська вдруг на всю улицу заела:

Ходит Шурочка в тужурочке
При лаковом ремне,
Достанется милья Шурочка

Погурге, а не мне!

Ах, ты хулавай! Как я на нее набросился, надава ей, а она слачи, и заливается, как сумасшедшая...

...Ах, Шурочка в тужурочке...

—Завери свисток, девчонка!

Она вырвалась и бежит.

— Дуська, грёбенку потеряла!

Тут я ее опять поймала и лавай нащелмывать. Дуська визжит на всю Перевалку, я от смеху и бить-то не могу, как следеет.

— Ой, спасите... При лаковом ремне!

— Глажи, ребята, у девчат бокс!

Ужо на нас народ стал смотреть и Вовка откуцал погнался.

— Ая да Ирка!

— Нам сразу стыдно, Дуська наслех ямз высунула Вовне, он и воясе оторопел.

— Что это с вами случилось, девчата? Жара подостывала! Сейчас я «Скорую» помоцью вызову.

Мы от него...

Идем, никак отдыматься не можем.

— Что это ты, Дуська, такая веселая?

— Я веселая? Это ты веселая, только что хотела спросить. Ну, что тебе Шурка про меня скавал?

— Ничего не скавал, я только спросила и ты как раз ушел.

— Да, ведь, ты прогнала его!

— А что хотел секреты раскамывать? Для того и прогнала, я, ведь, тебе дождавала, а он случайно подошел, почти при тебе...

У меня нет секретов...—и стала сейчас же со всеми подробностями описывать все, как было.

Оказывается, ее не только ни выкинули из комсомолки, но даже все сделали, как она хотела: с пионер-неожили и назначили экскурсию устроить, а она об этом еще когда-то мечтала.

— Должно быть, нестало, Шурка заступился.

— Нет, Ирка, Шурка, может, и заступился, но у нас всегда уме так: когда и назначат против воли, то потом все равно переменят. А выговор они мне выписали.

— Почему мне выговор? Если сами совизвали, что раньше неправильно поступили с тобой?

— А за то, что самовольно бросила работу, срыв дисциплины.

— Ну, а если бы ты не бросила, до сих пор бы и не сняли, так бы и остался в ямзках до самой свадьбы. Как же по-вашему получается?

— Дуська смуталась, ничего ответить не нашлась.

— Ну побыла бы еще месяц, подумавшая, ведь, вы все равно сняли бы.

— Ладно, выговоривая своей комсомол.

III. ИДУ НЕ ПОДСТАВНОЙ КОМСОМОЛ.

Дуська с Шуркой ехали со своей лекции. Дуська, в случае назначения, такая веселая была, что даже лабавалась в трамвае. Кто-то там кого-то толкнул, та женщина смочалась, Дуська сразу вступилась.

— Вы почему толкаетесь?

— Разве я была толкува?

— Дуська молчала, а вот эту женщину.

— Она же молчит и вашей заступы не просит.

— Это все равно, вы не имеете права никого толкать.

Шурка ее дергает, а она кричит:

— Ты меня чего дергаешь? Я знаю, что говорю!

Мужчина буркнул и вышел, а, ведь, трамвай стал смекаться и какие-то расфранченные буржуики на Дуську и на Шурку навели лорнеты и пальцами прямо показали.

Дуська увидела, покраснела и опять говорит Шурке на весь трамвай:

Какой нынче изп нахальная пощомозья!

Шурка ей тихо:

— Брось, все на тебя смотрят.

— Пускай смотрят, не глядят.

Из этих буржуек одна поскромнее стала и вдруг подошла к Дуське.

— Извините, товарищи, я к вам с просьбой. Я переводчица из МГСПС.

Дуська замолчала и глаза раскрыла.

— Я сейчас сопровождаю американцев, экскурсию на Нью-Йорка. Среди них два журналиста, сенатор и предостельница профсоюзная текстильщиков. Они решают, что вы—комсомольщица, и просили вас пригласить. Вас и, если можно, ваших товарищей. Хотят сами себе комсомольцев добыть, а то все болтают, что им подставных показываем!

Дуська молчит, покраснела еще больше, в один цвет с космичкой.

Тогда Шурка:

— Мы поговорим с товарищами. Что ж, и нам интересно кой о чем ваших американцев поспросить. Вы им так и передайте. А нам скажите ваш телефон, я позвоню.

— Очень Вам благодарна, товарищи. Вы уж простите, мне очень неловко, но по долгу службы.

Да и вообще вы бы нам большую услугу оказали, я насчет комсомолки шаха, а неудобно для МГСПС не познакомиться их с комсомольцами.

Помали буржу Дуське и Шурке, что-то смек американца половотала и они все стали лодкаться. Обе буржуики подошли, с Дуськой за руку половотали, скавали что-то и засмеялись. Переводчица об'яснила:

— Они прсят вас в этом самом сарафане прийти, снять вас хотят.

И скоро вышли...

— Как вышло! Теперь-то тебя от буз никогда не отущишь: побузила—американцев заробата.

— Ничего побойного, просто, они по красную платочку догадывались.

— Бывше, по всей Москве искали комсомолки,—нет, кто хочешь делай. На знали, что на Октябрьской у нас: Дуська Маленькая живет.

— Слушай-ка, Шурка, кого мы возьмем? Я думаю, Миханчева, конечно.

— Дуська! А вдруг они тебя в Америку пригласят, показывать неподстаную комсомолку и в сарафане настоящим?

— Шурка, да я тебе о деле говорю, а ты бузешь.

— Я уже разузнался? Посмотри-ка, тут другие американцы нет ли? Момент, когда какие-нибудь завалились, куда ни шло, англичане для комплекта?..

— А из девчат кого возьмем?

— Тебя возьмем.

— Ну, брось бузить! Зойку, кто ли? Еще надо кого-нибудь. Знаешь, что? Ирка-чужиме! Она им и пещи сплет, у нас такой веселой, как Ирка, в ямзехе и нет другой.

— Так, ведь, и она не в ямзехе.

...Второй звонок ограничивает и окрестности...

— А мы скажем... А слуша! Шурка!
Почему бы нам не вать ее в комсомол!
— Ну, да,—Шурка махнул рукой.

IV. ОТСТУПАТЬ ПОЗДНО!

После работы прибежала Дуська в яейку.

— Шурки здесь нет?
Только Миханчев сидел.
Сейчас придет, обожди.
— Зпорово, друг, — Кузин вошел, на Дуську не обратил внимания.
— Что же. Кузя, а меня на свете нет?
— А что ты думаешь? Почти что и нет, уж очень мало тебя, не сразу заметишь, особенно к вечеру.
Наконец—и Шурка. Дуська вскочила.
— Шурка, я тебя полчас жду, расказывай скорей!
— А сама ты обещала?
— Ну, ты лучше расскажешь.
— В чем дело?
— Да вот ехали мы с Дусей вчера на Политтехинского, она в трамвае разбуздась так замечательно, что все заблуждалась.
— Ты не про то рассказываешь!
— Как же не про то? Тогда ты рассказывай.

Миханчев, скани ему, пусть про дело говорит.
Миханчев раснерялся.

— На тебя не подействовало, так и на него не подействует, если я скажу.

Дуська покраснела и рассердилась.
Шурка стал рассказывать, коротко по обыкновению.

— Встретили американскую экскурсию, они нас просили прийти побеседовать, интересуются комсомолом.

— Как же вы с ними говорились?
— Их идеть переводчица из МГСПС.

Кузин бросил платерскую.

— По-моему, ребята, ходить нечего. Какая там экскурсия и зачем она—мы не знаем. Если понадобится им комсомольцев показать, так уж МК назначит или ЦК кого следует, крепких ребята. А нам лезть представлять московскую организацию без всякого даже согласования—это срывать плян.

— И я думаю, что буза, —Васильев примавался.—Что мы им будем показывать, как обещаны учиться!

— Тебе, Кузин, быть гле-и-бува в Замухранской губрини секретарем и согласовывать асход солнца с захоном. Нам эта переводчица из МГСПС сказала: американцы хотят сами себе комсомольцев добыть, потому что думают, им все подставных показывают,—то ты бы они обрательности тебя послушали. Теперь мы не при чем—и вот ясное дело, у американцев будет уж полное убеждение, что действительно так и есть: настоящих, несогласованных—и не пустили.

Верно, ребята, — подернала Миханчев. — Случайно нам выпала ажданка представлять московскую организацию, это так, но согласовывать тут ничего, а надо уж постараться поддержать амяя с честью. Отступать теперь поздно!

— Ура!—закричала Дуська...

— Ура!—за дверями кто-то заорал.—Это вы мне, разуметься?—И появился собственнорично Вовочка.

— А за что тебе?
— Кому еще, как не мне! Я, ребята, круговой полет выиграл. Не знаю, может, деньгами вожьку.

Дуська завывала, вапригала.

— Я с тобой дружу, дружу!—и за Вовку ушпиался.—Да врешь ты все, а?
— Честное комсомольское...

Все так и вытарашились, и приутикли.
— Круговой полет,—Вовочка заветерлся на каблуке вокруг своей оси. Теперь лезники пропали!

— Вот мы с Шуркой так уж выиграли!
Вовочка очень деловито:

Схватили бедняженку и давай покидывать...

— Со второго этажа лететь будете?
— Да не летать совсем. Нас американцы в гости пригласили.
— Какие такие американцы?
— А вот такие, которые приехали из Америки, делегация про комсомол узнавать.
Шурка улыбнулся.
— Не только про комсомол.
— И в Америку пригласили?

V. СКОРЫЙ 11 — 30

— Пошла Дуся во Балкан, А за нее американ!
Дуська, Дуся, Дусья—

Неподдельная мол!

Всю дорогу пели, от самого Кухмистерова. Взялись по четуре в ряд, как демонстрация, идем средней улицю, мы на нас смотрят и один пошолел, спросил:

— Это какая демонстрация?
Я закричала:

— Октябрьская дорога в Америку уезжает! Тот и отпился.

Вовочка стал ораторствовать на всю Каланчевскую:

— Ребята! Вот что я говорю. С легкой Дусиной ручки предлагаю немедленно следующую экскурсию:

— Стой, ребята, а верно! Ведь мы нашу организаторшу за хорошей почин еще не назвали!

— Какая Дуся!
Схватили бедняженку и давай покидывать, но она, ведь, совсем махонькая, летит, дае страшно смотреть, и не пинит! Туфли и нее попадали, один Дуську кидают, а подхватывают уже другие.

Я толкнула Шурку:

— Не убейт он ее.
— Не убейт,—говорит,—хотя могут. Довольно, ребята!

— Товарищи! Я настаиваю, чтобы меня выслушали. Единственно выбираю себя председателем. Внимание! Перехожу к предложению в конкретной форме. Предлагаю немедленно организовать экскурсию в честь Дуськи Маленькой. Кто против?

— За!
— Теперь — куда? В 11—30 скорый уходит в Ленинград,—туда и отправим мы нашу дорогую Дусечку.

Дуська сейчас же глаза раскрыла и мне шепчет:

— Это как же?
— Ты не бойся, я все сделаю, ты соглашайся!

— Итак, все ва! Ну, Дуська, собирайся, сейчас мы тебя провозим.

— Только я одна не поеду. Пусть Ирочка со мной.

— О, это совсем замечательно.

Я говорю:

— Тогда я должна обегать домом за комодом. Идем, Дуська!

— Так мы, черти, изаедем?
— Ни за что!

Побежали!... У нас уже все спать легли, мы на ципочках, взяли мой желтый чемоданчик, тотом я надела красную юбку и волосы выпустила, как будто стриженная. И еще серое пальто непромокаемое наизула. Как коммунистка!

— Вышли на вокзал, я несю желтый чемоданчик... А ребята на перроне выстроились. Вовка махнул рукой—все закричали:

— Ура!
А уже первый звонок был. Мы с Дуськой стали на площадку и Вовка произнес прощальную речь.

— Товарищи! Мы провозим наших незабвенных и неподдельных товарищей! Кто может конкретно вынести охватывающую меня скорбь? Говорю: никто! Но второй звонок ограничивает мое красноречие, итак, суб'ективно наивысшие, стои на конкретной платформе Октябрьского вокзала и баньку у нас свою рабоче-крестьянскую в мозолях руку, прошу не забыть нас в революционном Ленинграде!

— Словечко, это он на роли жарил!
К портнику, товарищ Зоя, наше выступление не по ходу пляси, ура!

— Ура!
Пассажирские окна уже высунулись, глаза выдули.

— Кого провозим?
— Ответственных коммунистов.

Машинист пал свисток, мы помажали платочками, крикнули:

— Прощайте!—и скрился в вагон. Ребята заехали на весь вокзал:

— Наши паровоз летит вперед...
А Вовка отделился:

— Вы шертво пали...
Поезд пошел, ребята все побежали за вагоном:

— Пините, не забываете!
На вокзале говорят:

— Кто это?
— Да ихняя какая-то уезжает.

Ушел поезд...
— Ну, вот, и провозили,—Вовка платочком лод вытер.—Упарились!

Компания осматривается, и Миханчев говорит:

— Что, ребята, неужели девочки уехали?
— Брось,—Шурка всомлевался:—дано на другую сторону высокои и убежали. Я им ключ плал.

— Чью ты, Ирочка, так поздно? Завтра тебя не поднимше.

— Тета Поля, нас с Дуськой сейчас в Ленинград провадила, да я тебя пожелала, не пожелала.

— Доченька, ты же поехала.
— Да лет уж, с тобой. А сколько народу провазила! Все думали—важные коммунистки едут.

— Сколько было твоей компании?
— Сколько? Ребит штук пятнадцать набралось.

— А как это было?
— Ну, кто же их считает!

КАВАЛЕРИЙСКАЯ

Стихотворение М. ТАРЛОВСКОГО

Кони шии, а шпоры звякали,
Пели тихо, пели — ах!
Псы скулили, жены плакали
И крестились в попыхах.

Славы-доблести не меряя,—
Ну и слава, ну и ну!

Уходила кавалерия,
Уходила на войну.

И вытягиваясь поездам
Журавлиным по полям,
Песню грусти буйным повсистою
Рассекала пополам.

А в засаде — неприятаи,
А у пушек — недолет,

Люди вяло дело ладияи,
Люди падали на лед.

У бандитов дело спорится
Чорту жауется рать:
Горько пешим опозориться,
Го, ше конным уморить...

А теперь вот — с белой бандою
Я не чокаюсь в бою;

Не воюю, не командую,
Не свищу и не пою...

ТОПОРЫ И ПУШКИ

Рассказ БЕЛА ИЛЛЕШ. Перевод с венгерского М. ЗЕЛЬДОВИЧ

«Благословенные места»

На горном откосе с утра до ночи работает шестсот проволоков. Ускокнейшая работа переставляет очищенные от ветвей и коры гигантские стволы на расположенную в долине фабрику. Здесь поют метельный шум и плет восток и приглатывают строительный материал, который сбывается в Матгярскую долину.

— Как чудесная живописная местность! — это говораила жена старшего инспектора. — Она кончила гимназию, обладает политической душой и пишется стихи в «Матгярской еженедельной газете».

«Благословенные места», — соглашался с ней черноробитый православный священник, центнер и большой знаток крепких вин и красивых женщин.

И жена главного инженера и священник были правы.

Летом горный откос покрывается темной зеленью, а на вершине горы пол белено-голубым небом до половины июня свиреет снег.

Очень живописные они оказываются шелью рывано-рыбных озер и в долинах приступают к изготовлению матт.

Зимой снег на солнце ослепительно розовеет, а в тени принимает синий оттенок. Ручей так прозрачен, что можно видеть все дно, а пение птиц заглушает шум колодезьных насосов.

В недрах земли покоятся бурый уголь и кристаллическая соль, но власти не разрешают добывать их, а граф не разрешает использовать энергию водопада для электрической станции.

«Главе ти-нибуль возуак так чист и прозрачен», — продолжает петь в своих стихотворениях жена главного инженера.

Сегодня, вчера и сегодня

«Местная организация чешской коммунистической партии устроила в среду в шесть часов на площади перед складом дискуссионный вечер. На повестке дня «Экономическое положение Советского Союза и социалистическое строительство». Докладчик должен приехать из Мункача.

Докладчик задержался, так как Мункачской делега пришла с опозданием. Собравшиеся в ожидании размялись на стволах сваленных наемье деревьев, а те, которым нехватало места, ушли спать на землю.

Наконец, после выхода смущившейся докладчицы Фридрих Матюш Товарищ Урбан, секретарь местной организации, развалил гие-то два смоляных факела. Матюш говорил о деревенском поюмоте, а после него стелила два молодых рабочих с горвиными факлами в руках.

— Командные высоты народного хозяйства, управление государственным заводом... кооперативы... значение среднего крестьянства...

Небо похлорло тучами. Сидящие в темноте люди внимательно слушали. Тусклый свет факелов освещал фигуру оратора.

Восьмь лет тому назад русские лучше приехали отсюда солдат Купца. Население здесь долгое время спустя надырелось на возвращение красных, но они не вернулись...

Румыны пробывли здесь недолго, они повели несколько рабочих, и около двухсот человек были ибиты; на север им пришлось идти. Чехи доосидели в тотую сотню тысяч, тысячи выслыли за границу. Затем они выкряли несколько заводов и приотнавили работу на рудниках, т. к. чешские фабрики и рудники не имели достаточного обьата. Но чехи все же были друзьями освободившего украинского народа, они обещали земельную реформу и действительно рывали несколько тысяч десятин земли прибывшим чешским жандармам.

Теперь на южном склоне Карпат функционироват только несколько лесопильных заводов. Заработная плата на них такая невелика, как и их количество.

Приблизжались дни переразочения коллективного договора. Как-то в перерыве работ Матюш, секретарь союз ал-дз ократской партии, с годлыми хвастовством брусил в толпу рабочих тучу слез.

Ну, большевики теперь уже потеряли свое жало.

— К дьяволу эти большевистские свинеи, — сказал он в бешенстве несколько дней спустя. — Подтретательство завводилом рабочих, и теперь то-и-дело сравнивают условия, в которых

им приходится жить, с условиями, в которых живут русские рабочие. Мерзавцы!

— Им становится все лучше, а нам становится все хуже.

— Однако, товарищи, ведь нельзя же сравнивать...

— Почему же нельзя, черт возьми! У нас, как и у них, две ноги и две руки...

Когда же Матюш сказал: взгляните с марксистской точки зрения на русские условия и вы тотчас же увидите, что так называемые долги немцев... разговор быстрым темпом двинулся к равнанию.

— К черту т, а о я вонючий марксизм! До сих пор ты уверял, что мы живем несравненно лучше русских рабочих, а теперь...

— Мне утверждение было правым...

— Убирайся к чертовой матери!

Рабочие прогнали... Матюш с фабрики.

— Видите ли, господа Матюш, — сказал ему главный инженер, — ведь вам известно, что согласно нашему условию руководители и мастера, одним словом, в а ч их слова, будут получать свое премиее и жалование только в том случае, если проект нового коллективного договора будет принят без дорогостоящей борьбы. Однако, мне кажется, что большевики так возбудили рабочих со своим дураским социалистическим строительством...

— Мы вместе вполне на меня полюбимся, господа инженер!

«Красный империализм»

В тот же день на стенах появилось сообщение социал-демократической партии.

«Местная организация социал-демократической партии устраивает в понедельник в 6 часов открытое собрание. На повестке дня доклад товарища Матюш — «Красный империализм».

Комитет С.-Д. партии.

Многие рабочие хотели послушать этот доклад, но попасть в зал удалось лишь очень немногим, потому что стонивший у входа старший машинист Матюш с помощью чеховых жандармов не пропустил тех, кого считал ненадежными.

«...Наследник царского империализма... враги европейской культуры... вооруженные до зубов... Красный империализм... смертельные враги демократии и свободы... святой долг культурных рабочих...»

Несколько человек, пытавшихся прервать речь Матюш, были выведены жандармами из зала. По окончании доклада Матюш роздал присутствующим последний номер социал-демократической газеты, в которой передовая статья была написана им самим.

Госе доклад да можно было услышать много любознательных бесе. Люди говорили в полголоса, группками разговаривая по карти, ам.

— Красный империализм. Что это собственно означает?

— Неужели ты не знаешь этого? Красный империализм состоит в том, что русские товарищи дают польским панам и нашим свиным тучам затрещину, что вся эта банда немедленно издохнет.

— Это не так плохо, — сказал маленький бородастый еврей, рабочий Яков Фрилендер, — но, говорит, русские строят теперь социализм.

— Конечно, они занимаются этим, т-е, строят фабрики и стремятся привлечь в свои ряды рабочих. Фабрики производят молоты, тупики, оубы и пилы, крестьяне готовятя и берутся за оружие.

— Значит...

— Н-д, значит, полюбил, наконец, полдохнут.

— Разумеется, но и нам нечего сидеть сложа руки.

— Конечно, нет.

Успокойся, Михок!

Михок, старший надзиратель над лесными работами при лесной на фабрику расположенной. Его ноги и тело были покрыты лилово-синими пятнами. Дровосеки так долго говорили о красном империализме, что им захотелось попробовать свои силы.

Жандармов, жандармов против этих мерзавцев — кричал Михок в кашеляхри... Они совсем заблудились.

— Успокойся, Михок, успокойся. Теперь так нельзя. Мы перестановим сейчас наш химический завод, у нас сольные ванны, было бы глупо, если бы мы теперь необдуманным шагом вывалили забастовку...

Матюш встал, успокоить проволоков. Он уже направлялся в лес, когда Матюш прибыл из Мункача.

— Что означает перестройка химического завода? — спросил он Урбана.

— На ряду с метельным спиртом будут изготовляться ионитные газы. Ямуча — для полков.

— Ах, так? Гл... руюководство этой фабрики должно быть поучено нашим людям.

Жиды местной организации совещались до поздней ночи. Утром Матюш был принесен полугарматой домой. Две недели он пролежал в постели.

Начались переговоры о заключении нового коллективного договора. Администрация предлагала несколько снизить заработную плату и изменить правила внутреннего распорядка. Рабочие стали угрожать забастовкой. Директор и главный инженер склонились к уступкам, но Матюш и Михок держались иного мнения.

— Только не обираунчивайтесь слабости. Пусть, только эти свиные научат бастовать! Три дня голодовки и тогда мы будем разговаривать с ними иначе.

Началась забастовка. Фабрика охраняется жандармами. Урбан заключен в Мункачскую тюрьму. Расчеты Матюш вполне оправданы: никто не мог сомневаться в том, что голод заставит рабочих капитулировать не позже, чем через неделю.

Но странным образом, забастовка все же продолжалась три недели. Газм были выставлены нужды и это заставило администрацию начать переговоры. При этом ясно обозначилось, что рабочие были в достаточной мере настоячивы. Забастовка продолжалась еще неделю и кончилась компромиссом: прежние руководители остались на своих местах, но на новом химическом заводе мастера были взяты из числа бастовавших, заработная плата осталась прежней.

Большая толпа встречала на вокале освободившегося из тюрьмы товарища Урбана.

Пушки

— Н-д, нельзя отрицать, что рабочие победили. Теперь необходимо показать нашу силу.

— Рабочие победили? — спросил с хитрой усмешкой Матюш. — Мы вынуждены из рук победителя выманить ли дело, чтобы жандармы не знали, что там, что рабочие получили на города денгки и что крестьяне совесель сел снабжали их салом и хлебом.

— Что о воза упало, то пропало, — устало сказал директор завода. — Теперь мы должны показать свою силу. — Уже обдумал это. Здесь, недалеко от завода, будут устроены военные намеры...

— Совершенно правильно.

В день маневров, нет, еще за день до них, из Мункача прибыл три товарища. Солдаты же не признали в них своих братьев. Утром забастовного утра, начались военные упражнения. На маневрах присутствовало три тысячи рабочих. Артиллерия дефинировала по пыльной пороге, кавалерия галопировала по выжженному солнцем луку, нехота заныла криком красных горнилов отступать. Дула орудий были направлены на завод.

В воздухе парили два аэроплана. Полковник, командовавший маневрами, раз'езжал в бронированном автомобиле. Он отдавал распоряжения, и ординары скакали по полю.

Кашитан передает тот приказ артиллерии, размазывает над головой красным сигнальным флагом. Это движение означает О г о н ь!

Кашитан повторяет приказ.

Но пушки молчат.

«Е г о н ь!»

Кашитан подает третий сигнал.

— Сейчас, — тихо говорит Урбан своему со-

седу.

И, действительно, как по приказу, вонючие артиллерийские орудия начали валилдувать:

Да здравствует Советский Союз!

И следом из леса совершенно неожиданно и для самого Урбана, как его, прозвучал стоголосный отстрел:

Да здравствует Советский Союз...

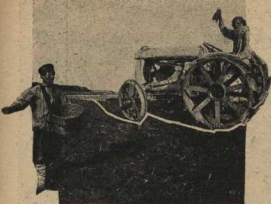
Маневры кончились.

Остальное, собственно говоря, не относится к нашему рассказу. Некоторые офицеры были переведены в полки; несколько унтер-офицеров были раввалованы и многих солдат арестовали.

Урбан, со скрученными в спину руками, жандармы снова отвели в Мункач.

Х Л Е Б И Д Е Т

Фото С. КРАСИНСКОГО

Вот выкола на поле трактор. Пофыркивая, он легко тянет десятки сверкающих лемехами плугов. Большие не надо натужно вытягивать из себя силы Сивкама, Гнеб-кам да Савраскам.

Вот зерно брошено в землю и начинается таинственная работа почвы, влаги и солнца, пока не заходят золотые волны хлебов, пока тяжёлый снаг не ввалит к небу, легко подкачанный на силы крестьянской девушки.

Коси коса моя пригожая,
Коси затейница моя,
Сегодня силушкой моложе я
И ласковее солнца ясь.

Кругом поля в цвету мудреятся,
И целебной запах на бегу;
И память той, что сердцу нравится,
Я тихой думой берегу.

Меня сегодня
В каждой к лосе
И в каждой н пельке росы
Приветствуют родные полосы
И песнь победная косы.

Коси коса моя пригожая,
Коси затейница моя,
Сегодня силушкой моложе я,
Как ромашу полные поля...

Они теперь зерном мудреятся,
Их крепкий запах на бегу;
И память той, что сердцу нравится,
Я лучше
В песне берегу.

М. Шехтер

И вот, отступают цены, отухают молодилки и золотой россыпью потечет в закрома зерно.

Его—размолотое жерновками—едут наши вероды по ждугу тремя наших пародов.*
Нам хлеб — не только востушный хлеб,
но и золотой фонд нашей промышленности.

Русский пролетариат, строя социалистиче-скую промышленность, несёт великую эпоху раскрепощения крестьянского хозяйства. Со-ветский крестьянин за хлеб получает ма-шинны, которые в хрне зерноворачивают его экономку и толкают её в русло социали-стического строительства всего нашего на-родного хозяйства.

техники — ненормального товарища. Теперь, заинтересованный его необычным поведением, он несколько раз пытался заговорить с ним. Однако, Кенингам, обычно, отделившись двумя-тремя словами из своего недолгого лексикона.

Но вот однажды, когда никого кроме них не было на короткой остановке движущегося троллея, Кенингам сам заговорил с ним. Это было настолько неожиданно и так невероятно, что Вильсон даже не понял смысла слов, с которыми обратился к нему молчаливый сосед. Он только впереворот и резко повернулся к Кенингаму, отравив на лице необычайное изумление.

— Не поворачивайтесь. Сидите спокойно. Старайтесь не обращать на себя внимания, — произнес Кенингам своим обычным голосом, сохраняя и в речи все тот же опустошенный рабочий тип. Затем он сказал:

— Хотите пойтись со мной кой-куда? — Но куда ж? — Об этом я и не могу говорить здесь.

Вильсон задумался на минуту, не больше. Ясно было, что Кенингам приглашает его в такое место, о котором не следовало знать администрации. Стало ясно, это место должно быть интересным для рабочего. Во всяком случае, оно выходило за пределы жизни, строго регламентированной Советом Синдикатов. Только полминуты желание пойти с товарищем боролось в нем с робостью, принятой всей системой работы и регулирования жизни. По натуре он был смелый человек, каких немало оставалось среди подавленных рабочих Америки. В прошлом за ним числилось несколько дисциплинарных проступков, занесенных в штрафную книгу. Он ответил:

— Жена будет ждать... А, впрочем, — пойдём.

Они шло, не доходя приблизительно двух километров до того места, где Джек сходил обком, и пошла к одному из крупнейших небоскребов Ист-Сайда. Лифт спустил их в двадцатый подземный этаж и поднялся снова. Они очутились у дверей одной из рабочих квартир. Кенингам нажал кнопку. Глухой голос спросил из-за двери:

— Кто? — Это я, открыл — ответил Кенингам.

Обращение на «ты» не было принято среди рабочих Америки, и Джек бросил изумленный взгляд на Кенингама. Тот этот взгляд уловил и чуть заметно улыбнулся.

Весь быстро и бесшумно раскрылся и, проглотив вешешки, также стремительно и беззвучно захлопнулся. Внутренний их человек, выносливый и невероятно худой, увидев незнакомого лица, несколько отшатнулся. Кенингам поспешил успокоить его.

— Товарищ пришел со мной. Он — свой человек.

И, обернувшись к Вильсону, пригласил его следовать за собой.

Хозяин квартиры остался в передней, а Кенингам и Вильсон прошли одну за другой три небольшие комнаты. В первой из них сидела молодая женщина, кормившая грудного ребенка. Она даже не обернулась: повиному, приход

Фантастическая повесть А. Р. ПАЛЕЯ

Посвящается Е. Д. Зоуле
(Продолжение 1)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО

В 1947 году в Соединенных Штатах Америки — последние дни — вспыхнула массовая Хивенгс организовала акционерное общество по постройке платины, дающей возможность изменить течение Гольдштрома. В результате этого капитал Америки должен истощить. Европа — покрыться вечным льдом. На торжественном заседании ЦИК СССР Старого Света, посвященном десятилетию основания Союза, получается известие о постройке платины. СССР готовится к борьбе не на жизнь, а на смерть с могущественным капиталистическим государством. Постройка платины идет быстрым темпом. Рабочий по постройке, Джек Вильсон, работает рядом с Кенингамом, которому от мучительного одоления работы превратился в живой автомат и с которым никто никогда не говорит.

чужих людей через эту квартиру был обычным явлением. Следуя за Кенингамом, Вильсон пошел к так называемой комнате? Кенингам нажал указательным пальцем на какую-то точку поверхности стены; раскрылась потайная дверь, и они вошли в нее, после чего Кенингам тщательно притворил ее снаружи.

Они очутились в полной темноте. Это — темнота, столь непривычная и неожиданная, так поразила Вильсона, что он невольно схватил за руку своего спутника.

— Очень хорошо! — сказал тот. — Не выпускайте моей руки, иначе вам трудно будет следовать за мной в темноте.

— Но где же мы находимся? — спросил изумленный Джек.

Вероятно, Кенингам улыбнулся — потому, что когда он отвечал, в его голосе прозвучала усмешка.

Мы слышали о рисках накатам? Ну, вот и в Нью-Йорке существует нечто подобное, хотя в гораздо меньшем масштабе. Нет пятинальть или двадцать назад (точно не помню) здесь начата была постройка крупного небоскреба для жилищ. Уме была произведена всяма земля для закладки фундамента, когда муниципалитет по санитарным соображениям запретил стройку и решил разбить на этом месте сквер, так как окрестный район беден зеленью. Впрочем, тогда упорно говорили, что муниципалитет был покончил владениями ближайшей гостиницы, которая была конкурренции. Как бы то ни было, работы были прекращены. Над местом, откуда была вынута земля, были положены поперечные стальные бруссы, перекрыты стальными же досками, сверху насыпана земля и устроен сквер. Таким образом, получилось то, о чем довольно большая часть, не имеющая сообщения с внешним миром. Наши товарищи оборудовали в ней вентиляцию и соединили ее с тем, что оставленной нами квартирой коротким коридором, по которому я вас сейчас проведу.

Вильсон все больше приходило удивляться. Он никогда не подумал бы, что Кенингам способен на такую связную и длинную речь. Еще более было поразительно то, что речь была почти совсем свободна от рабочего темпа, который, казалось, совершенно подчинил себе Кенингам. И так, Кенингам из него темпа с искусством гениального актера?

Держась за руку товарища, Вильсон сделал шаг за ним несколько десятков шагов, и тогда, открыв узкую дверь, они очутились в пещере, освещенной голубым дневным светом, на котором стояла иела форму большого квадратного зала с потолком огромной вышины.

Несколько десятков человек кружили толпились в разных местах зала. У почтивоплощенной входу стены находилась невысокая трибуна, на которой в тот момент сидел два человека. Кенингам представлял им нового товарища. Затем вновь прибывшие отошли и сели на простую алюминиевую скамью, стоящую у боковой стены.

ГЛАВА VII

Приключенные выявляются

Джек первый нарушил молчание: — Теперь я понимаю. Джек, — начал он, и смутливо: он заметил, что назвал товарища,

с которым сегодня в первые говорил, фамильярно, по имени.

— Продолжайте, Джек, — дружелюбно отозвался Кенингам.

— Я понимаю, — говорил Вильсон, — что вы привели меня на собрание тайной рабочей организации. Крайне удивлен и слышал о существовании в Америке таких организаций. Но мне совершенно непонятно, как вы решились довериться мне. Ведь, до сегодняшнего дня мы не сказали с вами почти ни слова.

— Не беспокойтесь, — ответил Джек. — Однако, я кое-что знаю о вас. И, может быть, гораздо больше, чем вы можете предположить.

— Откуда же? И почему вы... — начал говорить Джек. — дожили его мысли. Джек: — А вот почему. Организация наша малочисленна, как вы и сами можете догадаться.

— Ясно! — горячнично воскликнул Джек. — Удивительно надо не ее малочисленности, а тому, что она вообще существует, находит возможность существовать в таких невыносимых условиях.

— И тем не менее она существует, — с гордостью произнес Джек. — И она застрахована, конечно, в увеличении своего состава. Но мы с исключительной осторожностью привлекаем новых людей. Мы находим справки о тех рабочих, в которых еще не совсем пока есть стень протеста. Мы наводили справки и о вас. Мы известны записи о вас в штрафной книге. Я долго припоминал к вам. У меня не принадлежало к числу членов Совета Синдикатов, работающих в предприятиях под видом рабочих. Я решил, наконец, привлечь вас к участию в нашей организации.

— Я очень рад! — искренно ответил Джек. — Но вы еще не сказали мне, как же называется эта организация.

— Она называется, — голос Джека зазвучал торжественно, — Коммунистической Партией Америки.

Джек привстал от волнения. Он знал о Совете Штатов. Собрание Старого Света. И вот — он делается членом партии, невидимыми, но неразрывными нитями связанной с этим могущественным заокеанским государством свободного труда. Здесь, в самом черном капитализме, он тем становится винтиком машины, которая разрушит власть порабощателей.

Сегодня, — промолвил Джек — на нашем собрании выступит товарищ, приехавший из России. Сегодня будет обсуждаться вопрос о необходимости ускорить захват власти в связи с быстрым развивающимся работами по постройке платины. Джек понакался странном, что речь может идти о захвате власти. Ведь, партия так малочисленна, а Совет Синдикатов так могущественен. Но, подавленный всеми обуржуазившимися на него в этот день американцами, Джек уже потерял способность думать.

Тем временем пещера постепенно наполнялась людьми, приходящими по одиночке и по-двое через тот же коридор, откуда пришла Вильсон с Кенингамом. Вскоре она наполнилась почти сотней человек, внешность которого ничем не отличалась от типичного американского рабочего. Однако, это и был товарищ, приехавший из России. Он заговорил на хорошем английском языке, и речь его была приятна, какого бы то ни было иностранного акцента. Вне этого собрания никто, конечно, не догадался бы о его происхождении.

Русский коммунист развернул перед товарищами картину ужасной гибели, которая ждет Европу после окончания постройки платины. Перемна трудящихся уже дада себя внять очень резко. Судьба трудящихся всего мира — в руках амери-

мных рабочих. Необходимо устроить, улучшить тип организации работы. Возле себя существуют разные власти? Дюж, кто и как владеет? Кто слушает русское товарища. После него говорило еще несколько человек. Речь их была короткой и деловой.

Ораторы указывали, что Совет Синдикатов должен отказаться от протеста. Благодаря его умеренности в отсутствие в Америке рабочих организаций. Правда, партия немногочисленна, и связь ЦК с местами крайне слаба, в виду неоднородности величайшей осторожности. Однако, необходимо добить на выходящий рынок и в области борьбы, и в разных местах страны постоянно возникают полные революционные организации, кроме уже существующих. Пусть они разовьются. Знамя восстания, поднятое Центральным комитетом, должно быть поднято и в ряды всех унитарных и стремящихся к самостоятельности пролетариат.

К тому же государственная власть в Америке настолько совпадает с верховной организацией синдикализма, что будучи захвачен Советом синдикатов, всеобщее сопротивление может быть парализовано; командование воздушного и морского флота, по всей вероятности, растеряется и капитулирует.

Конечно, последнее может и не произойти. Но, безусловно, добить на выходящий рынок и в области окончательной гибели СССР и, вместе с ним, всего рабочего движения!

Здесь же были назначены главнейшие практические мероприятия и избран Революционный Комитет.

Дюж не рассказав своей жене, как он провел сегодня вторую половину дня.

ГЛАВА VIII

Валентина Петевой красной нитью влетает в ткань повести

Электра могла бы в эту ночь пригласить и своего возлюбленного в постель в лодке. Она не сделала этого из-за вчерашнего телефонного разговора. Вот какой был разговор:

— Добрый вечер, Валентин!

— Вот ты, Электра! Ты никогда не говоришь ни днем, ни ночью.

— Не скоро. Верно, черес нелепо.

— Все не можешь оторваться?

— Да. Скоро уйду закону. Ты знаешь, как работаю.

Электра начала. Валентина крутит, шпалы, атаксистом. Человек нового покроя, стальной юбки и изумительной точности, он обладал несколькими незначительными черточками, возмущавшими его к старому быту, как היא новая родинка широту кусочек кожи — возвращает человека к его отдаленным предкам — нечто внешнее, разумеется.

Одной из этих черточек была манера Валентина работать, вымеченная его из среды товарищей. Он работал приступами. Во время каких-нибудь — охотничьих стадий, черновой работы — он делал паузы. Но когда работа уходила к завершению, к своей синтетической части, — он погружался в нее целиком, и тогда по желанию не выходил из своего кабинета.

Правда, у него была не совсем обыкновенная работа. Несмотря на свою молодость, он был уже большим сотрудником главного штаба. И сейчас он разрабатывал задание исключительной важности, но что именно — об этом он не говорил даже Электре. И она не спрашивала: военная ли работа.

Когда происходил перекомандный синтетический разговор, работа как раз была в стадии синтетической, завершительной.

Но, отходя от рупора, Валентин не сразу вернулся к работе.

Яркое, майское солнце было в окне широкими полосами, а в отсветах одной башне стоял сильный бумек не совсем еще распустившейся сини. Валентин жадно вдыхал ее тонкий источящийся запах и шире распахнуло окно. Солнце влетало и вращалось в небе подобно танкману, который бросил туда невидимой рукой. Прозрачные безжизненные тучи легких облаков прогнали по земле.

Он отянул взгляд от своей кабинета.

Принятый от окна, стоявшего в углу и теперь неподвижного, длинный привидной ремешок натавал маленькое колесо, укреплённое на вставке возле письменного стола и снабженное шарно-подшипниками. Все это было слегка запляну и, повидимому, давно бездействовало.

Рядом со столом, на котором в беспорядке было разбросано много металлических и стальных приборов, стоял шкаф, висящий в человеческой

проф. с основанием в квадратный метр, оббитый черной лакированной кожей. К одной из стенок шкафа гнулся электрический провод, а в противоположной стене — провод, соединяющий стержень величиина в ладони, и в это отверстие была вставлена простая трагичная призма из какого-то прозрачного синеватого камня.

Валентин подошел сейчас не к этому шкафу, над которым он работал все последние дни, а в сторону направо от окна высокой колонне выдвинувших шкафов для бумаг. На этой колонне стояла только две вещи: маленькое туалетное зеркало с гравесными карти и женский портрет в серебряной оправе, висевший на стене. Вот на этот портрет, так похожий на его собственное лицо, отразившееся в зеркале ярого, залучиво само Валентина. На его пожелтевшей картонке была изображена молодая женщина с крупными чертами лица и вычужденным взглядом. На ней была широкая черная шляпа и черное ажурное платье. На груди спускалось крупное янтарное ожерелье.

Каждый раз, когда Валентин смотрел на портрет своей матери, он испытывал сложное чувство нежности и любви к последней жене, а в старшей направо от окна высокой колонне выдвинувших шкафов для бумаг. На этой колонне стояла только две вещи: маленькое туалетное зеркало с гравесными карти и женский портрет в серебряной оправе, висевший на стене. Вот на этот портрет, так похожий на его собственное лицо, отразившееся в зеркале ярого, залучиво само Валентина. На его пожелтевшей картонке была изображена молодая женщина с крупными чертами лица и вычужденным взглядом. На ней была широкая черная шляпа и черное ажурное платье. На груди спускалось крупное янтарное ожерелье.

Каждый раз, когда Валентин смотрел на портрет своей матери, он испытывал сложное чувство нежности и любви к последней жене, а в старшей направо от окна высокой колонне выдвинувших шкафов для бумаг. На этой колонне стояла только две вещи: маленькое туалетное зеркало с гравесными карти и женский портрет в серебряной оправе, висевший на стене. Вот на этот портрет, так похожий на его собственное лицо, отразившееся в зеркале ярого, залучиво само Валентина. На его пожелтевшей картонке была изображена молодая женщина с крупными чертами лица и вычужденным взглядом. На ней была широкая черная шляпа и черное ажурное платье. На груди спускалось крупное янтарное ожерелье.

Каждый раз, когда Валентин смотрел на портрет своей матери, он испытывал сложное чувство нежности и любви к последней жене, а в старшей направо от окна высокой колонне выдвинувших шкафов для бумаг. На этой колонне стояла только две вещи: маленькое туалетное зеркало с гравесными карти и женский портрет в серебряной оправе, висевший на стене. Вот на этот портрет, так похожий на его собственное лицо, отразившееся в зеркале ярого, залучиво само Валентина. На его пожелтевшей картонке была изображена молодая женщина с крупными чертами лица и вычужденным взглядом. На ней была широкая черная шляпа и черное ажурное платье. На груди спускалось крупное янтарное ожерелье.

ДЕВУШКА С ВИНТОВОЙ

Стихотворение Н. ВЛАДИМИРСКОГО

Скажи: неужели...
И это не сон?
Букой Материнской
Зачекутчат платком.

Скажи: я ошбен?
Ошбен чуть-чуть...
Холодно же
Приспало к плечу.

Прирученный глаз твой
Прищелом — в лицо —
Где сок сверкает
Монетка колды.

Где в тонкой улыбке
Сосит сквозь бровь
Достопытеньская доблесть —
Шанхайской кровью.

Валентин выгнул в окно. Солнце окончательно гогело в синее. Деревья были покрыты листовой еще мелкой и нежной. На полкомнине в углу, у стены, висела длинная занавеска с узкой стрелкой, чуть подвратная распластанными прозрачными крыльями.

Валентин постоял еще несколько минут в радушьи. Потом сел в лодку заручившись и вернувшись к своей работе.

ГЛАВА IX

Еврей Лавочник и гибели

Сергей Львович начал мочушу шубу, лобные мехом платки и валенки поверх шерстяных носков. Выгнула в зеркало и сам себе улыбнулся — он был весел и изнердовал в свои шестьдесят три года. Впрочем, улыбка его, если вдуматься, отдавала горечью. Постерпел на законный термометр — 37. Выгнула на календаре — шестнадцатое сентября. Его перемеруло, золотое пенсне свалилось и повисло на шнурке. Поправил и вышел к лодку.

А что ждал. С Большой Дмитровкой до Холмши путь неказистый, но был быстрое ровное шоссе. На улицах людей мало — местный мороз. Рупоры громкоговорителей вымывают послоную сторону с фронта.

— Алло! Алло! Алло!

Настояние нашего воздушного флота значительно полно парашютистами. Электронными волнами моторы приведены в негодность. Большая часть машин погибла в море. Команда спасена приблизительно на 10%. Командующий воздушным флотом товарищ Краснов извоет без вести и, по моему, погиб. Потери противника незначительны.

— Алло, граждане! Не поддавайтесь стьянло. Наши оборонительные спериации разназуют вполне успешно. Неприятель, повидимому, окончательно отбавился от военных действий в тылу, и газомым убийствами по воздуху не придется.

— Алло! Алло!

— Работы по постройке лодки близятся к окончанию. Надводная часть готова уже три четверти. Мы будем вести борьбу до конца. Все, кому не угодно, поехать в ряды Красного Воздушного Флота в последний наряд, могут возбуждывать свои заявления.

Над Холмской плавой покачивался дирижабль. Когда Сергей Львович вошел в общую каюту и стал обрывать в телефонные вешки, молдьяк встретил его шумными приветствиями. Летучий госпиталь отравлялся на фронт. Сергей Львович — начальник госпиталя.

Дирижабль плавно поднялся вверх. С высоты Москва представила своеобразную картину, полную несообразностей. На ослепительном белом фоне из центра вытекали радиусы лучей, перекошенные неправильными параллельными кругами. Вышки небоскребов и купола колоколен были перемазаны в невзрачное беспорядке.

Между ним, впрочем, — старое и новое дма. Писанцы лежали белыми пятнами. Тоненькими ниточками вилась Кремлевская и Китайгородская стены. На улицах коппились люди. Ко-где они танулись черными впитками: это у вербовочных пунктов отойли череды замаскированных в воздушный флот. Трамвай, автобусы, авто чернели маленькими, движущимися корбочками, тоненькими цепочками пробегали поезда надземной железной дороги. Все это уменьшалось с поразительной быстротой; дирижабль набирал высоту. Скоро в кишке ничего не стало видно, кроме белого тумана; дирижабль вошел в густые тучи.

Отходя от окна, Сергей Львович подошел к товарищам, собиравшимся в общей каюте.

(Окончание см. в следующем №)

И ты раскраснел...
Волнуешь! Да!..
О, это волнует
В эти минуты
С прищелка секунды
Еще не стекло
Набровно:
В дробеви
В брызгах стекла.

Ах, как ты втиснувшись
И вихри втиснувшись,
И чья твоя сини,
С винтовой свелл...
Я ввел в тира
Чудено немой...
А вечер,
Каж вечер,
Синя небо мной.

ДАВАЙТЕ ИГРАТЬ В БУРИМЭ!

Буримэ—это очень любопытная, культурная игра, игра в стихи. Для того, чтобы в ней участвовать, вовсе не требуется быть поэтом-профессионалом. Каждый грамотный парень и девушка, имеющие некоторое чувство ритма (размера), может написать четверостишие, пользуясь готовыми рифмами, которые мы здесь даем. В этом заключается игра. При чем интерес ее состоит в том, чтобы наиболее остроумно использовать данные рифмы.

Итак, каждый читатель „СМЕНИ“ записывает следующие рифмы двух отдельных четверостиший:

I	II
..... смена тревога
..... завод тма
..... Чемберлена в ногу
..... завод пма

Затем каждый пишет начало строк того и другого четверостишия и вводит написанное письмом в „СМЕНУ“ (Москва, М. Черкасский пер., 34), написав в углу конверта „На конкурсе Буримэ“.

За три лучших четверостишия—авторам их выданы премии.

I премия „СМЕНА“ на 6 мес.

II „ „ „ „ 3 „

III „ „ „ „ 1 „

в новом подписном году.

Премированные четверостишия, а также наиболее любопытные из немумерованных будут напечатаны в „СМЕНЕ“ через месяц со дня опубликования конкурса.

В письмах на конкурс необходимо указывать фамилию и адрес автора.

ИГРА НАЧАЛАСЬ! ПИШИТЕ ВСЕ!

Редакция „СМЕНИ“

Издательство ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая пл., 6

„КОМСОМОЛЬСКАЯ ЛЕТОПИСЬ“

Журнал Истмола ЦК ВЛКСМ

Вышла из печати, поступила в продажу и рассылается подписчикам

книга 5—6

СОДЕРЖАНИЕ: Националистическая политика организации рабочей молодежи Германии во время мировой войны—Ф. Рейгард.
Молодежь деревни при царизме. Труд молодежи в сельском хозяйстве России до революции—А. В. Шестаков.
Молодежь в крестьянском движении в эпоху первой революции (1905—1907 г.г.)—А. Ш. и А. Л.

Молодежь в революционном движении. «Будущность»—Я. С. Паперников (Коперник). IV конференция организации социал-демократической молодежи «Будущность» (отчет). Устав организации с.д. молодежи «Будущность». Боевание ОС ДМ «Будущность» по поволу роспуска III Государственной Думы. Первойской прокламация ОС ДМ «Будущность». Движение рабочей молодежи Петербурга в годы подвига (1-12—1924 г.г.)—П. Дороватовский. Воспоминания о революционном движении и социал-демократической организации учащихся г. Москвы в 1905—1908 г.г.—А. Выдрин-Губинская.

Труд молодежи при царизме. Закон 3 июня 1885 года о восприятии ночной работы подростков (и женщин)—И. Татаров. Вопрос о труде малолетних в эпоху первой революции (1905—1907 г.г.)—В. Гессен. Законодательство о труде и малолетних подростков в России в годы империалистической войны—М. Г. Фишер.

Комсомольские мобилизации на фронт и их итоги—П. Беляков. Борьба за социалистическую школу рабочей молодежи—Андрей Шокки.

История местных организаций ВЛКСМ. Союз молодежи г. Омска в 1917 году—С. Ингат, А. Максимов и С. Урицкий. Дружина рабочей молодежи ювени Петга Старостина—Макар. Список членов олеводской организации КСМ, погибших на фронтах гражданской войны.

Библиография.

231 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Подписная цена: 2 мес.—1 р.; 4 мес.—2 р.; 6 мес.—2 р. 50 к.; 8 мес.—3 р. 80 к.; 10 мес.—4 р. 70 к.; 12 мес.—5 р. 20 к.
Розница—1 р.

НОВЫЕ КНИГИ:

Рязанов, Д. Взгляды Маркса и Энгельса на брак и семью. 20 стр. Ц. 68 к.

Колоколин, В. «Левый коммунизм». 96 стр. Ц. 55 к.

Лебедь, Д. Социалистическая рационализация. 96 стр. Ц. 35 к.

Глебов, В. Современный антиимпериализм и борьба с ним. 56 стр. Ц. 20 к.

Езерский, П. Словарь-справочник по китaysкому вопросу.

Гратные пояснения к географическим названиям Китая, именам политических деятелей, названиям политических партий, их программам, основным событиям китайской революции, политическим терминам, отдельным областям народного хозяйства Китая и др., расположенным в алфавитном порядке.—Иногда при чтении газет и книг, посвященных современному Китаю.

72 стр. Ц. 30 к.

Журавский, А. На путях к рационализации производства. Под редакцией проф. В. А. Панкина. Школьным Отделом ЦК ВЛКСМ одобрено и рекомендовано как пособие и руководство для профтехшкол, самообразования и самоквалификации. (Серия «В помощь молодому рабочему»). С 18 рисунками, чертежами и диаграммами.

Содержание: Производство и потребление. Рационализация производства. Стандартизация. Экономика и учет производства.

152 стр. Ц. 1 р., в переплете 1 р. 15 к.

Ипполит. Право на любовь.

К дискуссии о половой жизни современной молодежи. Любовь в изображении П. Гоманова, Л. Гумилевского, С. Малашина, А. Коллонтай и др. Точка зрения на любовь Ленина и Энгельса. Автор утверждает, что чувство любви является большой, нужной и важной социальной силой, считает, что «Луна с правой стороны»—зловещая реакция на царизм в литературе превращена к большому чувству».

79 стр. Ц. 40 к.

